

ТИМ ВЕЙНЕР

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

ПРАВДИВАЯ
ИСТОРИЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ
В ОБЛАСТИ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ

"ЭТО ЛУЧШАЯ КНИГА,
НАПИСАННАЯ О ШПИОНАЖЕ"

Wall-Street Journal

Тим Вейнер

ЦРУ. Правдивая история

«Центрполиграф»

2013

Вейнер Т.

ЦРУ. Правдивая история / Т. Вейнер — «Центрполиграф», 2013

Провокационная, весьма поучительная и чрезвычайно интересная книга лауреата Пулитцеровской премии Тима Вейнера посвящена 60-летней истории ЦРУ. В основу исследования легли тысячи архивных документов, интервью с действующими агентами, ветеранами и бывшими руководителями главного американского шпионского ведомства. Автор без прикрас описывает военные операции ЦРУ на Кубе, во Вьетнаме, Афганистане, Ираке и множестве других стран, раскрывает тайные стороны отношений двух великих держав – СССР и США – в период холодной войны. Повествует об ошибках управления внутри ведомства, бездумном распылении колоссального бюджета и о том, как просчеты ЦРУ повлияли на состояние национальной безопасности США, следствием которых стала трагедия 11 сентября 2001 года. Предупреждает об опасной неспособности видеть мир таким, какой он есть, что недопустимо при угрозе мирового терроризма.

Содержание

«Пёрл-Харбор навсегда, или повествование об очень плохих парнях»	6
От автора	9
Часть первая	13
Глава 1	13
«Чрезвычайно опасна...»	14
Глава 2	17
«Священное дело центральной разведки»	17
«Настоящая гремучая смесь»	19
«Чего хочет Советский Союз?»	21
«Начинающий жонглер»	22
Глава 3	25
«Величайшая разведывательная служба в мире»	26
«Инаугурация организованной политической войны»	29
«Боссом может быть кто-то один»	31
Глава 4	33
«На нас взирали как на королей»	35
«В замешательстве»	36
Глава 5	38
«Чем меньше мы говорим об этом законе, тем лучше»	38
«Мы не хотели этого касаться»	39
«Мы не собирались сидеть сложа руки»	40
«Что мы сделали неправильно?»	42
«В корне неудачная идея»	43
Глава 6	45
«Невыполнимая задача»	45
«Никаких убедительных признаков»	46
«Очевидная опасность»	47
«Мы понятия не имели о том, что делаем»	48
«ЦРУ вводили в заблуждение»	49
«Кое-кем придется пожертвовать»	51
Глава 7	55
«Вы принадлежите ему душой и телом»	55
«Хорошо продуманный план, за исключением...»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тим Вейнер
ЦРУ
Правдивая история
Посвящается Кейт, Эмме и Руби

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

«Пёрл-Харбор навсегда, или повествование об очень плохих парнях»

Книга Тима Вейнера «ЦРУ. Правдивая история» заслуживает внимания российского читателя прежде всего тем, что в ней использованы документы, рассекреченные в США в конце девяностых – начале нулевых годов, то есть относительно недавно, менее двадцати лет назад. Эти документы проливают свет на многие события, относящиеся к первым десятилетиям после окончания Второй мировой войны и начальному периоду деятельности ЦРУ, в том числе в роли ведущей разведывательной службы Соединенных Штатов Америки.

Тим Вейнер много лет занимается изучением истории американских спецслужб и правоохранительных органов, и его предыдущая книга об истории ФБР стала не только американским бестселлером, но и получила Пулицеровскую премию.

«ЦРУ. Правдивая история» будет интересна российскому читателю еще и потому, что в этой книге автор ярко проявил собственное отношение к ЦРУ как инструменту сохранения главных ценностей Америки – свободы и демократии – и проинтервьюировал на эту тему многих ветеранов американской внешней разведки.

Однако немного о политике, ведь, в конечном счете, именно об этом пишет Тим Вейнер. Внешняя политика США представляет собой очень интересный феномен.

До Второй мировой войны внешняя политика США вполне укладывалась в привычные традиционные рамки и ничего выдающегося собой не представляла. Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ) находились на большом удалении от центров мировой цивилизации и в основном были заняты решением внутренних задач. Некоторое участие в общемировых проблемах САСШ приняли в самом конце Первой мировой войны, а главное, в последующем разделе богатств побежденной кайзеровской Германии. Одновременно Америка набирала опыт решения региональных проблем, особенно в зоне Тихого океана.

Вторая мировая война внесла большие коррективы в эту сторону жизни США, когда руководство страны вошло на равных в узкую группу мировых лидеров – победителей фашистской Германии, и с этого момента политика США начинает напоминать поведение агрессивного слона в посудной лавке. Именно так нужно расценивать решение президента Трумэна об атомной бомбардировке уже фактически стоявшей на коленях Японии, если не забывать о достигнутой еще в 1943 году в Тегеране на встрече лидеров трех держав договоренности, что после победы над гитлеровцами СССР берется разгромить главную сухопутную группировку Японии – Квантунскую армию. Без этого разгрома войскам США, по признанию политиков и подсчетам американских военных специалистов, пришлось бы воевать с Японией до конца 1946 года.

Не прошло и года после окончания войны, как США и Великобритания осознали необходимость взаимопонимания и сотрудничества в борьбе с коммунизмом. Об этом в своей речи перед студентами университета Фултона, родного города президента Трумэна, говорит Черчилль. Примечательна логика британского экс-премьера. Для начала Черчилль провел жирную разграничительную черту между «англоязычным братством», куда вошли Великобритания, США и Канада, чьи ценности базируются на Великой хартии, Билле о правах, Хабеас корпус акте, суде присяжных и английском общем праве, что суммарно обрело форму в Декларации независимости, которой британские колонии Северной Америки объявили о своей независимости от Великобритании и остального мира. Остальной мир оказался по другую сторону от обозначенного Черчиллем поперек Европы железного занавеса, а поэтому «ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации (ООН) не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов». И «...братский союз

требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными».

Кого же Черчилль оставил по другую сторону железного занавеса?

Вот что он об этом сказал далее: «На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии – я не сомневаюсь, что и здесь тоже, – питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав...», однако «... почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии». Другими словами, страны Восточной Европы живут не по англоязычной Декларации о независимости. Далее, вероятно, Черчилль имел в виду, что Сталин не остановится в точке соприкосновения Красной армии с армиями Великобритании и США, а двинет свои танки на запад до самого Ла-Манша. Очень сильно эту мысль подкрепляла активизация коммунистического движения во Франции, Италии и Греции. И Черчилль был прав – внешне картинка послевоенной Европы выглядела именно так.

Однако у этой картинки было еще и внутреннее содержание.

Победа Сталина практически в одиночку над Германией и Японией сильно впечатлила его современников Трумэна и Черчилля, и Красная армия действительно стояла в государствах Восточной Европы и в Маньчжурии. Однако через год, в 1946 году, войска начали выводиться, и в СССР уже в июне 1945 года началась демобилизация старших возрастов. Это был не пацифизм Сталина, а необходимость восстановления разрушенной страны.

Каким был СССР сразу после Второй мировой войны? Разруха! А что было перед Сталиным, если бы он двинул свои войска на запад? Разбомбленные англо-американской авиацией в пыль немецкие города от Мюнхена до Гамбурга и Киля, ограбленные Франция и Бельгия. В тылу – голод.

1946 год был богат событиями. Ко времени визита Черчилля в США еще только на середине был Нюрнбергский процесс. Вот-вот должен был начаться Токийский процесс. Еще немецкие военнопленные не расчистили завалов на Крещатике, еще не требовала обновления надпись на Невском проспекте: «Эта сторона улицы особо опасна при обстрелах», в марте 1946 года от мин и неразорвавшихся снарядов продолжали гибнуть люди, расчищавшие под посевы поля от Волги до Ла-Манша.

В связи с этим, вероятно, речь Черчилля в Фултоне и выбор очередного врага в лице Советской России и мирового коммунизма были несколько надуманными. Или же это явилось результатом старой нелюбви западных лидеров к коммунизму как таковому, но при этом не следует забывать, что коммунизм – это внутриевропейская идея.

О содержании речи Черчилля, положившей начало холодной войне, Сталин узнал быстро. И как это было знакомо! Лавирование западных демократий в период между двумя войнами вокруг Гитлера и подталкивание его с войной на Восток трудно было замаскировать. Однако ни Париж, ни Лондон не подумали о том, что Гитлеру будет выгоднее воевать на Востоке, если под ним окажется и Запад. Других причин оказаться у Сталина в союзниках ни у Черчилля, ни у Рузвельта не было. Хотя последующий мир они видели по-разному.

Степень прозрачности намерений Гитлера, изложенных им в 1926 году в 14-й главе «Майн кампф» «Восточная ориентация, или Восточная политика», была равнозначной речи Черчилля в Фултоне: все усилия, и прежде всего военные, следует направить против СССР

и коммунизма. Банальной ли в этих условиях была мысль Сталина обзавестись дополнительными территориями между Востоком и Западом, если война в те годы передвигалась на танке и летала на пропеллерном самолете? Вероятно, это была оправданная мера безопасности.

На этом политическом фоне 20 сентября 1945 года Управление стратегических служб США было расформировано, а его функции переданы Государственному департаменту и Секретариату по военным делам. А 18 сентября 1947 года с учетом опыта работы УСС было создано Центральное разведывательное управление.

ЦРУ сразу было обозначено как главный координационный орган американской разведки. Однако история американских спецслужб началась не с этого. До Второй мировой войны американская разведка была сосредоточена в оборонном ведомстве, кроме этого, американская администрация широко пользовалась данными, которые предоставлялись ей из Великобритании от ювелиров тишины – старых английских разведчиков. При обеих спецслужбах находились координаторы для оперативного обмена информацией и задачами.

Дальше все только о ЦРУ в изложении Тима Вейнера в его книге: «ЦРУ. Правдивая история».

Только не следует забывать, что мадам Чан Кайши умерла в 2010 году, главный враг в лице СССР распался, коммунизм минимизировался на Кубе и в Северной Корее, а попугай Уинстона Черчилля еще жив.

Е.М. Анташкевич

От автора

«ЦРУ. Правдивая история» – описание первых шестидесяти лет деятельности Центрального разведывательного управления. В книге описывается, как самое могучее государство в истории западной цивилизации оказалось не в состоянии создать первоклассную шпионскую службу. Эта неудача представляет собой реальную угрозу для национальной безопасности Соединенных Штатов.

Разведка – секретная деятельность государства, нацеленная на понимание или изменение событий, происходящих за границей. Президент Дуайт Эйзенхауэр называл разведку «неприятной, но жизненно необходимой потребностью». Нация, которая хочет распространить свое влияние за пределы собственных границ, должна стремиться заглянуть далеко за горизонт, знать о том, что может произойти, чтобы предотвратить грозящие ей опасности. То есть она не должна быть застигнута врасплох. Без сильной и умной разведывательной службы президенты и генералы могут ослепнуть и захромать. Но на всем протяжении собственной истории у такой сверхдержавы, как Соединенные Штаты, подобной службы не было.

История, по словам Эдварда Гиббона (см.: *Гиббон Э. Закат и падение Римской империи*), это «не более чем реестр преступлений, безумств и неудач человечества». Летопись Центрального разведывательного управления полна безумств и неудач, в ней немало примеров как коварства, так и отваги и мужества. Анналы ЦРУ полны мимолетных успехов и затяжных неудач за границей. Они отмечены ожесточенными политическими сражениями и борьбой за власть внутри страны. Триумфы Управления помогли сберечь некоторое количество крови и денег. Но провалы безрассудно проматывали и то и другое. Они оказались фатальными для целых легионов американских солдат и иностранных агентов. Приблизительно 3 тысячи американцев пали жертвами терактов в Нью-Йорке, Вашингтоне и Пенсильвании 11 сентября 2001 года. Еще более 4 тысяч американцев погибло потом в Ираке и Афганистане. Одним из преступлений с длительными последствиями стала неспособность ЦРУ выполнять свою центральную, ключевую миссию: своевременно и четко информировать президента страны о том, что творится в мире.

У Соединенных Штатов вообще не было никакой разведки в начале Второй мировой войны и почти никакой – спустя несколько недель после ее окончания. Всеобщий безумный порыв к демобилизации привел к тому, что не у дел осталось несколько сотен человек, обладавших бесценным опытом работы в разведке и желающих продолжать борьбу с новым врагом. «У всех главных мировых держав, кроме Соединенных Штатов, в течение длительного времени действовали постоянные международные разведывательные службы, которые непосредственно подчинялись самым высоким эшелонам власти, – предупредил президента Трумэна в августе 1945 года генерал Уильям Дж. Донован, руководитель Управления стратегических служб (УСС). – До этой войны у Соединенных Штатов не было секретной разведывательной службы за границей. У нас никогда не было и до сих пор нет скоординированной системы разведки».

Как ни трагично это осознавать, но ее нет и сейчас, в XXI веке...

Предполагалось, что ЦРУ как раз и станет такой системой. Но масштабный проект шпионского ведомства оказался весьма поспешным эскизом. Вылечить хронические американские слабости не получилось: к сожалению, способность хранить тайны и хитрость никогда не входили в число наших сильных сторон.

Крах Британской империи оставил Соединенные Штаты единственной силой, способной противостоять Советам и коммунизму, Америка отчаянно нуждалась в сведениях о своих потенциальных врагах, чтобы вовремя сообщать их президенту страны, особенно в те периоды, когда обстановка в мире серьезно накалялась. Миссия ЦРУ состояла прежде всего в том, чтобы

предупреждать президента о неожиданных нападениях противника, то есть не допустить второго Перл-Харбора.

В 1950-х годах в рядах Управления служили тысячи патриотически настроенных американцев. Многие из них были людьми мужественными и закаленными в боях Второй мировой войны. Но далеко не всем хватало мудрости, и лишь единицы знали своего истинного врага. В тех случаях, где понимания не хватало либо вовсе не требовалось, президент требовал, чтобы ЦРУ изменило курс истории посредством проведения той или иной секретной операции. «Ведение политической и психологической войны в мирное время представляло собой новое искусство, – писал Джеральд Миллер, в то время руководитель секретных операций ЦРУ в Западной Европе. – Некоторые из методов были известны, но не хватало четкой доктрины и опыта». Тайные операции ЦРУ представляли собой, по большому счету, удары вслепую. Единственный курс агентства был нацелен на то, чтобы учиться на собственных ошибках. В то время ЦРУ скрывало свои многочисленные неудачи и провалы за границей, не докладывая о них и тем самым вводя в заблуждение президентов Эйзенхауэра и Кеннеди. Ложь была направлена на то, чтобы сохранить высокий статус ЦРУ в Вашингтоне. По словам Дона Грегга, опытного резидента эпохи холодной войны, у ЦРУ в разгар его деятельности были солидная репутация и весьма плачевный послужной список.

Как и вся американская общественность, агентство на свой страх и риск выступало против вьетнамской войны. Как и американская пресса, ЦРУ обнаружило, что его донесения отклонялись, если они не соответствовали предвзятому мнению президентов. ЦРУ подвергалось нападкам и даже презрению со стороны президентов Джонсона, Никсона, Форда и Картера. Ни один из них толком не понимал, как оно работает. Согласно их ожиданиям, «разведка должна уметь решить любую проблему либо она ни на что не способна, после чего они склонялись к совершенно противоположным представлениям, – отмечает бывший заместитель директора ЦРУ Ричард Дж. Керр. – Потом они успокаивались и пересказывали с одной противоположности на другую».

Чтобы выдержать нелегкую конкуренцию среди военно-политических ведомств в Вашингтоне, новое ведомство разведки должно было, прежде всего, находиться поближе к президенту. Но вскоре выяснилось, что президенту опасно вкладывать в уши то, что ему не хочется слышать. Аналитики ЦРУ учились идти в ногу и соответствовать традиционному подходу. Но они неправильно трактовали намерения и способности врагов, неверно представляли себе силу коммунизма и недооценивали реальную угрозу терроризма.

Высшая цель ЦРУ во время холодной войны состояла в том, чтобы путем вербовки иностранных шпионов выведывать и похищать секретную информацию у Советов. Но ЦРУ так и не удалось заполучить такого перебежчика, который обладал бы глубочайшим пониманием ситуации и исчерпывающей информацией о деятельности Кремля. Число советских шпионов, обладающих важной информацией, – причем добровольцев, а не новичков, – можно в буквальном смысле сосчитать на пальцах. И все они, рано или поздно, были схвачены и казнены Москвой. Почти всех выдали офицеры советского «подразделения» ЦРУ, которые шпионили для противоположной стороны, при президентах Рейгане и Джордже Буше-старшем. При Рейгане ЦРУ сосредоточилось на операциях в странах третьего мира, продавая оружие Иранской революционной гвардии, чтобы финансировать войну в Центральной Америке, тем самым нарушая закон и окончательно разбазаривая остатки доверия к себе. Печальнее всего то, что ЦРУ так и не воспользовалось фатальными слабостями своего главного противника.

Аспекты понимания противоположной стороны выпали во многом на долю техники, а не людей. По мере того как шпионские технологии расширяли горизонты, видение ЦРУ становилось все более близоруким. Спутники-шпионы помогли составить представление о мощи советского оружия. Но они не способны были дать важнейшую информацию о том, что коммунизм фактически трещит по швам. Ведущие эксперты ЦРУ воочию увидели врага только по

окончании холодной войны. Агентство обескровило Советы, поставляя в Афганистан оружие на миллиарды долларов и помогая моджахедам бороться с оккупационными войсками Красной армии. Успех получился грандиозным. Но ЦРУ так и не смогло разглядеть, что воины ислама, которых оно столь заботливо поддерживало, вскоре нацелятся на Соединенные Штаты. Когда же такое понимание наконец пришло, было уже поздно, и агентство оказалось не в состоянии предотвратить беду. Это был эпохальный провал.

Единство целей, укрепившее ЦРУ во времена холодной войны, разрушилось в эпоху 1990-х, при президенте Клинтоне. В составе все еще находились люди, которые стремились понять мир, но их ряды сильно поредели. Были талантливые офицеры, которые посвятили себя службе Соединенным Штатам за границей, но их количество также было невелико. В одном Нью-Йорке у ФБР было больше агентов, чем у ЦРУ за рубежом. К концу прошлого столетия агентство больше не представляло собой полнофункциональную и независимую разведслужбу. Оно все больше превращалось в периферийное отделение второго эшелона для Пентагона, занимаясь оценками тактики сражений, которым не суждено было состояться, а не разработкой стратегий для предстоящей борьбы. Случись второй Перл-Харбор, ЦРУ не смогло бы его предотвратить.

После террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон Управление направило небольшую группу квалифицированных секретных агентов в Афганистан и Пакистан, чтобы выследить лидеров «Аль-Каиды». Потом оно утратило свою роль в качестве надежного источника информации, когда передало в Белый дом ложные донесения о существовании оружия массового поражения в Ираке, в основе которых не было надежных разведанных. Джордж У. Буш и его администрация, в свою очередь, неправильно использовали ЦРУ (которым когда-то с гордостью руководил отец президента), превратив его в военизированную полицию за границей и парализованную бюрократию внутри собственной штаб-квартиры. В 2004 году Буш, как бы мимоходом, фактически вынес политический смертный приговор ЦРУ, когда заявил, что агентство «лишь гадает» по поводу хода войны в Ираке. Ни один президент до этого никогда публично не позорил ЦРУ.

Его центральное положение в американском правительстве закончилось роспуском одного из важных отделов в 2005 году. Теперь, чтобы выжить, ЦРУ предстоит серьезная перестройка. Решение этой задачи займет годы. Задача понимания мира таким, каков он есть, поочередно вставала перед тремя поколениями агентов ЦРУ. Лишь немногие представители нового поколения разобрались в хитросплетении политических систем и экономик иностранных государств и, тем более, в политической культуре Вашингтона. В свою очередь, почти каждый президент, каждый конгресс и почти каждый директор ЦРУ начиная с 1960-х годов оказывались неспособными уяснить суть деятельности Управления. Уход каждого из высших должностных лиц оставлял агентство в худшем состоянии, чем на момент его назначения на этот пост. В результате громких провалов будущим поколениям, как метко выразился в свое время президент Эйзенхауэр, досталось «бренное наследие». Мы снова вернулись туда, где начинали шестьдесят лет назад, – в состояние хаоса и беспорядка.

Эта книга имеет целью убедительно продемонстрировать, что Соединенные Штаты лишены настоящей разведки, и этот дефицит будет ощущаться еще долгие годы. В основу книги легли слова, мысли и поступки, зафиксированные в архивах американского учреждения национальной безопасности. В них запечатлено то, что наши лидеры на самом деле говорили, на самом деле требовали и на самом деле сделали, когда намеревались распространить свою власть далеко за пределы страны. Эта книга основана на тщательном изучении более чем 50 тысяч документов, и прежде всего архивов ЦРУ, Белого дома и Государственного департамента; более 2 тысяч историй и эпизодов из уст американских офицеров разведки, солдат и дипломатов; более трехсот интервью, взятых начиная с 1987 года у действующих агентов и

ветеранов ЦРУ, в том числе у десяти директоров Центральной разведки. Текст подкреплен большим количеством сносок.

При написании книги не использовано никаких анонимных источников, никаких случайных цитат, никаких слухов. Это первая история ЦРУ, целиком составленная из непосредственных отчетов, донесений, докладов, сообщений и первичных документов. По своему характеру она является неполной: ни один президент, ни один директор ЦРУ и конечно же ни один человек со стороны не может обладать всей полнотой информации. То, что я включил в книгу, – еще не вся правда, но я, по мере своих сил, старался писать только правду.

Надеюсь, книга послужит хорошим предупреждением. Ни одна республика в истории не просуществовала дольше трехсот лет, и наша страна, возможно, недолго продержится в статусе великой державы, если не обретет глаза, которыми научится видеть мир таким, каким он есть на самом деле. Когда-то это составляло суть миссии Центрального разведывательного управления.

Часть первая

«Вначале мы ничего не знали»

ЦРУ при Трумэне, 1945 – 1953

Глава 1

«Разведка должна быть глобальной и тоталитарной»

Все, что хотелось Гарри Трумэну, – так это всегда иметь под рукой газету, источник свежих новостей.

Стремительно заступивший на пост в Белом доме после смерти президента Франклина Д. Рузвельта, Трумэн не имел никакого представления ни о разработках атомной бомбы, ни о намерениях советских союзников. Чтобы эффективнее использовать собственную власть, он отчаянно нуждался в информации.

«Когда я вступил в должность¹, – написал он в письме другу несколько лет спустя, – у меня не было никаких средств координирования разведки в различных частях мира». В качестве военной разведки Рузвельт создал Управление стратегических служб (УСС) под командованием генерала Уильяма Донована. Но УСС не создавалось на длительный период. Когда возникло Центральное разведывательное управление (ЦРУ), Трумэну хотелось, чтобы оно служило ему исключительно в качестве глобальной информационной службы, снабжая ежедневными сводками новостей. «Это не было подразделение «рыцарей плаща и кинжала», – писал он впоследствии. – ЦРУ предназначалось исключительно для информирования президента о событиях, происходящих в мире». Трумэн утверждал, что никогда не хотел, чтобы ЦРУ «выполняло роль шпионской организации. В момент его создания такого намерения не было».

Его представление было неверным с самого начала.

По мнению генерала Донована, «в условиях глобальной и тоталитарной войны разведка тоже должна быть глобальной и тоталитарной». 18 ноября 1944 года он обратился к президенту Рузвельту с предложением о том, чтобы Соединенные Штаты создали Центральную разведывательную службу мирного времени. Наброски своего плана он начал делать еще год назад, по наущению генерал-лейтенанта Уолтера Беделла Смита, начальника штаба у Дуайта Эйзенхауэра, которому хотелось знать, каким образом УСС войдет в систему военных ведомств Соединенных Штатов. Донован сказал президенту, что может изучить «возможности, намерения и действия иностранных наций», управляя «подрывной деятельностью за границей» против врагов Америки. Численность УСС никогда не превышала 13 тысяч человек, то есть была меньше армейской дивизии. Но организация, которую задумал Донован, сама по себе являлась бы армией – силой, которая способна искусно противостоять коммунизму, защищать Америку от нападений извне и снабжать Белый дом важнейшими иностранными тайнами. Он убеждал президента поскорее «заложить киль нового судна» и, естественно, стремился стать его капитаном.

Прозванный Диким Биллом по имени питчера из бейсбольной команды «Нью-Йоркских янки», который играл в ней с 1915 до 1917 года, Донован был храбрым и опытным служакой. Он был удостоен Почетной медали конгресса за героизм, проявленный в окопах Франции во время Первой мировой войны. Но как политик он не состоялся. Лишь немногие генералы и адмиралы доверяли ему. Большинство же пришло в ужас от его идеи создать шпионскую

¹ Комментарии к выделенным курсивом предложениям смотри в конце книги. (Ред.)

службу из пестрого сборища брокеров с Уолл-стрит, умников из Лиги плюща², наемников, рекламистов, репортеров, каскадеров, воров-домушников и мошенников.

УСС вырастило уникальный кадровый состав аналитиков разведки, но Донована и его знаменитого руководителя разведцентра в Берне, Аллена Даллеса, больше волновали и вдохновляли шпионаж и саботаж, – то есть, по сути, области, в которых американцы на тот момент были еще любителями. В вопросах обучения своих людей этому «темному искусству» Донован во многом полагался на своих британских коллег. Самыми отважными представителями УСС, образы которых рождали легенды, были те, кто проникал за линию фронта, виртуозно владел оружием, взрывал мосты, вступал в заговор против нацистов с французским и балканским движениями Сопротивления. В последний год войны, когда агенты УСС проникли почти во все уголки Европы, Северной Африки и Азии, Доновану захотелось забросить их непосредственно в Германию. Он попытался это сделать и отдал соответствующий приказ, но в итоге все смельчаки погибли. Из двадцати одной пары агентов на связь вышла лишь одна.

О такого рода операциях генерал Донован мечтал ежедневно; некоторые из них были дерзкими, но вполне реальными, другие – явно провальными.

«Его воображение было безграничным, – говорил его правая рука, Дэвид К.Е. Брюс, позднее американский посол во Франции, Германии и Англии. – Идеи были для него сущей забавой. В возбуждении он фыркал, словно скаковая лошадь. Горе чиновнику, который отклонял его проект, показавшийся смешным или, по крайней мере, необычным. Помню, как в течение долгих недель под его командой я проверял возможность применения летучих мышей, выловленных в Западных пещерах, чтобы сбросить их на Токио. Мышей предполагалось привязывать к зажигательным бомбам...»

Вот такая обстановка царила в УСС.

Президент Рузвельт всегда испытывал сомнения насчет Донована. В начале 1945 года он приказал своему главному военному помощнику в Белом доме, полковнику Ричарду Парку-младшему, провести секретное расследование военных операций УСС. Как только Парк приступил к работе, утечки информации из Белого дома спровоцировали тревожные заголовки передовиц в Нью-Йорке, Чикаго и Вашингтоне: авторы статей предупреждали, что Донован задумал создать «американское гестапо». Когда поднялся шум, президент убедил Донована спрятать свои планы в «долгий ящик». 6 марта 1945 года Объединенный комитет начальников штабов формально отклонил их.

Они хотели, чтобы новая шпионская служба подчинялась Пентагону, а не президенту. Было задумано создать что-то вроде расчетной палаты, укомплектованной полковниками и клерками, в которой перегонялась бы информация, собранная различными атташе, дипломатами и шпионами. И все в угоду четырехзвездным военачальникам. Так разгоралась битва за контроль над американской разведкой, которая продолжалась в течение трех поколений.

«Чрезвычайно опасна...»

Позиции УСС внутри страны были не слишком сильны; еще слабее они были в Пентагоне. Организация не имела доступа к важнейшим перехваченным донесениям из Японии и Германии. Высшее военное начальство полагало, что независимая гражданская разведывательная служба, которой управляет Донован, с ее прямым доступом к президенту, будет «чрезвычайно опасной штукой в условиях демократии». Именно в таком контексте высказался генерал-майор Клейтон Бисселл, заместитель начальника штаба военной разведки.

² Лига плюща (Ivy League) – объединение 8 старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США: Корнеллский университет в Итаке, университет Брауна в Провиденсе, Колумбийский университет в Нью-Йорке, Дартмутский колледж в Ганновере, Гарвардский университет в Кембридже, Принстонский университет в Принстоне, Пенсильванский университет в Филадельфии, Йельский университет в Нью-Хейвене.

А ведь многие из тех, кто делал подобные заявления, в свое время фактически проспали нападение на Перл-Харбор. Задолго до рассвета 7 декабря 1941 года американским военным удалось взломать некоторые из японских секретных кодов. Они понимали, что нападение возможно, но не предполагали, что Япония решится на столь отчаянную авантюру. Взломанный код оказался слишком секретным, чтобы сообщить о нем полевым командирам и капитанам военных судов. Соперничество внутри вооруженных сил приводило к тому, что полученные сведения делились на части, накапливались и рассеивались. Поскольку никто не обладал всеми составными частями тайны, цельное представление о происходящем отсутствовало. Только по окончании войны конгресс провел тщательное расследование, чтобы выяснить, как все-таки была захвачена врасплох ведущая держава в мире. И лишь тогда многим стало ясно, что страна нуждается в новом способе защиты.

До Перл-Харбора американская разведка, проникшая сейчас во все уголки земного шара, представляла собой лишь *короткий ряд деревянных картотечных шкафов в помещении Государственного департамента*. Единственными источниками информации были несколько десятков послов и военных атташе. Весной 1945 года Соединенные Штаты знали совсем немного об остальной части мира и почти ничего – о Советском Союзе.

Франклин Рузвельт был единственным человеком, который мог воскресить мечту Донована о дальновидной и всесильной американской разведывательной службе. Когда 12 апреля Рузвельт умер, Донован впал в отчаяние. *Проведя полночи в горестных размышлениях*, он приехал в отель «Ритц», свое любимое прибежище в освобожденном Париже, где позавтракал с Уильямом Кейси, офицером УСС и будущим директором ЦРУ. Донован был мрачнее тучи.

– *Как вы думаете, что это значит для нашей организации?* – спросил Кейси.

– Боюсь, что это, видимо, конец, – ответил Донован.

В тот же день полковник Ричард Парк-младший представил новому президенту секретный доклад, посвященный анализу деятельности УСС. Полностью рассекреченный лишь после окончания холодной войны, он представлял собой политическое орудие убийства, выложенное военными и заостренное самим Эдгаром Гувером, директором ФБР с 1924 года. Гувер презирал Донована и вынашивал собственные планы по управлению международной разведывательной службой. Доклад Парка фактически прекратил существование УСС в качестве составной части американского правительства, свел на нет романтические мифы, которые вынашивал Донован, чтобы защитить своих шпионов, и вложил в голову Гарри Трумэна глубокое и непоколебимое недоверие к секретным разведывательным операциям. В докладе отмечалось, в частности, что УСС причинило *«серьезный вред гражданам, деловым кругам и национальным интересам Соединенных Штатов»*.

Парк не привел ни одного довода, который бы мало-мальски намекал на то, что УСС помогло стране выиграть войну. Он лишь беспощадно перечислил все его неудачи и провалы. Согласно его сообщению, обучение кадрового состава было *«непродуманным и плохо организованным»*. Британские разведчики тоже относились к американцам несколько высокомерно. В Китае националистический лидер Чан Кайши манипулировал УСС, преследуя собственные интересы. Немецкие шпионы мешали, тормозили и срывали операции УСС на всей территории Европы и Северной Африки. Японское посольство в Лиссабоне раскрыло планы чиновников УСС по похищению кодовых словарей, и, как следствие, японцы изменили собственные коды, что *«полностью отрезало нас от жизненно важной военной информации»* летом 1943 года. Один из осведомителей Парка заявил: *«Неизвестно, во сколько жизней американских солдат на Тихом океане обошлась эта глупость со стороны УСС»*. Некачественная разведка со стороны УСС после падения Рима в июне 1944 года привела к тому, что тысячи французских солдат попали в ловушку нацистов на острове Эльба, по поводу чего Парк написал: *«В результате этих ошибок и неправильной оценки вражеских сил со стороны УСС погибло около 1100 французских солдат»*.

Доклад Парка был направлен и лично против Донована. В нем утверждалось, что во время одного из приемов в Бухаресте генерал потерял секретный портфель, который был «передан гестапо румынской танцовщицей». Его вербовка и поощрение высокопоставленных чиновников УСС опирались не на заслуги, а на дружеские связи с Уолл-стрит и «Светским альманахом»³. Он направлял целые подразделения в отдаленные уголки планеты, например в Либерию, и потом преспокойно забывал о них. По ошибке он забросил десантников даже в нейтральную Швецию. Он послал солдат оборонять захваченный немецкий склад боеприпасов во Франции, а затем взорвал его вместе с ними.

Полковник Парк признал, что люди Донована провели ряд успешных диверсионных операций в тылу врага и спасению сбитых немцами американских пилотов. Он также отметил, что штат кабинетных исследователей и аналитиков УСС проделал «выдающуюся работу», из чего заключил, что эти люди «могли бы занять достойное место в Государственном департаменте после окончания войны». Но остальная часть УСС, по его мнению, подлежала роспуску. «Почти безнадежная дискредитация сотрудников УСС, – предупредил он, – делает невыносимым их дальнейшее использование в качестве агентов секретной спецслужбы в послевоенном мире».

После дня победы в Европе Донован возвратился в Вашингтон, чтобы попытаться спасти свою шпионскую службу. Месяц траура по президенту Рузвельту уступил место безумной схватке за власть в Вашингтоне. 14 мая в Овальном кабинете Гарри Трумэн слушал Донована менее четверти часа, пока тот тщетно пытался сформулировать свои предложения по сдерживанию мирового коммунизма и ведению подрывной работы против Кремля. В итоге президент отпустил Донована, не дав тому как следует высказаться.

Все последующее лето Донован отбивался от нападков конгрессменов и прессы. Наконец, 25 августа, он заявил Трумэну, что вынужден был выбирать между знанием и невежеством. У Соединенных Штатов «теперь нет скоординированной системы разведки, – предупредил он. – Недостатки и опасности такой ситуации общепризнаны».

Донован надеялся, что сможет уговорить Трумэна – человека, к которому сам всегда относился с учтивым презрением, принять решение о создании ЦРУ. Но он неправильно истолковал собственного президента. Трумэн решил, что от планов Донована сильно «попахивает» новым гестапо. 20 сентября 1945 года, спустя шесть недель после того, как были сброшены атомные бомбы на японские Хиросиму и Нагасаки, президент Соединенных Штатов уволил Донована и приказал в течение десяти дней расформировать УСС. Так шпионская служба Америки прекратила свое существование.

³ «Светский альманах» – ежегодник, в котором приводятся имена и адреса лиц, принадлежащих к избранному обществу, адреса эксклюзивных клубов и календарь светской жизни. Обычно издается для города или района. Фраза «to be in the Social Register» означает «принадлежать к высшему обществу».

Глава 2 «Логика силы»

Летом 1945 года среди развалин разрушенного войной Берлина Аллен Даллес, высокопоставленный чиновник УСС в Германии, отыскал роскошный и неплохо укомплектованный особняк для своего нового штаба. Его заместитель и любимчик, Ричард Хелмс, предпринял первые шаги на новом поприще и начал шпионить за Советами.

«Прежде всего, не следует забывать о том, – заявил Хелмс полстолетия спустя, – что вначале мы вообще ничего не знали. Мы понятия не имели о том, чем занимается противник, каковы его намерения, способности. Короче говоря, знаний было ноль или почти ноль. Если кому-то удавалось раздобыть телефонную книгу или карту аэродрома, то это был для нас настоящий праздник! В общем, мы фактически блуждали в потемках».

Хелмс был счастлив возвратиться в Берлин, где он всерьез заявил о себе еще двадцатитрехлетним репортером агентства новостей, взяв интервью у самого Гитлера во время Олимпийских игр 1936 года. Он был просто ошарашен упразднением УСС. Приказ президента застал его врасплох в операционном центре в Берлине, оборудованном в помещениях бывшего завода игристых вин. Как и предполагал Даллес, никакого центрального штаба для американской разведки не предусматривалось. Предполагалось оставить лишь костяк кадрового состава за границей, да и то после тщательной проверки. Хелмс не мог поверить в то, что столь важная миссия может закончиться. Правда, несколько дней спустя из штаб-квартиры УСС в Вашингтоне пришло донесение, в котором сообщалось, что он может остаться на своем посту.

«Священное дело центральной разведки»

Новость пришла от заместителя Донована, бригадного генерала Джона Магрудера, который служил в армии еще с 1910 года. Он был твердо уверен в том, что без разведывательной службы превосходство Америки в послевоенном мире окажется весьма призрачным либо эта роль перейдет к англичанам. 26 сентября 1945 года, спустя шесть дней после того, как президент Трумэн упразднил УСС, генерал Магрудер отправился по бесконечным коридорам Пентагона. Момент выдался подходящий: на этой неделе ушел в отставку военный министр Генри Стимсон, который активно выступал против идеи создания ЦРУ. *«Мне это все представляется крайне нецелесообразным»*, – заявил он Доновану несколькими месяцами ранее. Теперь генерал Магрудер пытался воспользоваться возможностью, которую оставил ему уход Стимсона.

Он побеседовал с одним из весьма влиятельных лиц Вашингтона – старым другом Донована Джоном Макклоем, занимавшим пост заместителя военного министра. Вместе им удалось убедить президента отменить свой приказ.

В тот день Магрудер покинул стены Пентагона с приказом Макклоя, в котором, в частности, отмечалось, что *«текущие операции УСС должны быть доведены до конца»*. Этот листок бумаги сохранял надежду на то, что идея Центрального разведывательного управления все же выживет. Шпионы останутся при исполнении своих служебных обязанностей, только теперь в рамках новой организации – Подразделения стратегических служб. Потом Макклой попросил своего близкого друга Роберта Ловетта, помощника военного министра по авиации и будущего министра обороны, созвать тайную комиссию, чтобы подготовить план действий американской разведки – и заодно сообщить обо всех приготовлениях Гарри Трумэну. Магрудер уверенно заявил своим людям, что *«священное дело центральной разведки»* не будет забыто.

Ободренный полученной отсрочкой, Хелмс с рвением принялся за работу в Берлине. Он произвел чистку рядов, освободившись от тех агентов, которые засветились на берлинском

черном рынке. Здесь продавалось буквально все: за два десятка упаковок «Кэмела», купленных за 12 долларов в американской гарнизонной лавке, можно было стать владельцем автомобиля «мерседес-бенц» выпуска 1939 года. Хелмс искал немецких ученых и шпионов, чтобы не дать Советам использовать их знания и навыки и убедить работать на Соединенные Штаты. Но эти задачи скоро отошли на второй план, уступив место борьбе, направленной на то, чтобы разглядеть своего нового противника. К октябрю *«стало совершенно ясно, что наша первоочередная цель – выявить намерения русских»*, – вспоминал Том Полгар, в то время двадцатитрехлетний офицер берлинской резидентуры. Советы захватывали железные дороги и привлекали на свою сторону политические партии Восточной Германии. Поначалу лучшее, что могли сделать американские шпионы, – наблюдать за движением советского военного транспорта к Берлину, тем самым давая Пентагону понять, что кто-то пытается следить за Красной армией. Разъяренный пассивностью Вашингтона перед лицом советского натиска и стремясь преодолеть сопротивление высокопоставленных американских военных в Берлине, Хелмс вместе со своими людьми начал вербовку немецкой полиции и политических деятелей. Нужно было поскорее расставить шпионские сети на Востоке. К ноябрю *«мы стали свидетелями полного поглощения русскими восточногерманской системы»*, – говорил Питер Зихель, еще один двадцатитрехлетний агент УСС в Берлине.

Объединенный комитет начальников штабов и влиятельный министр ВМС Джеймс Форрестол начали опасаться, что Советы, как до них нацисты, двинутся на захват всей Европы, а затем повернут к Восточному Средиземноморью, Персидскому заливу, Северному Китаю и Корее. Одно неверное движение могло привести к открытой конфронтации. И по мере того как росли страхи и опасения перед новой войной, будущие лидеры американской разведки раскололись на два конкурирующих лагеря.

Одни верили в неторопливый и терпеливый сбор секретных сведений посредством шпионажа. Другие уповали на тайную войну – через проведение секретных операций. Шпионаж нацелен на то, чтобы познать мир. Таков был Ричард Хелмс. Секретная операция призвана изменить мир. Таким станет Фрэнк Виснер.

Виснер был очаровательным отпрыском богатого землевладельца с берегов Миссиссипи, он работал корпоративным адвокатом, а позднее надел военную форму. В сентябре 1944 года Виснер прибыл в Бухарест в качестве руководителя новой резидентуры УСС. Красная армия и небольшая американская военная миссия взяли под контроль румынскую столицу. Виснер приказывал своим людям следить за русскими. Он был в зените славы, вел конспиративные беседы с молодым королем Михаем и готовил спасение сбитых пилотов союзных войск. Для нужд резиденции он реквизирует тридцатикомнатный особняк одного из бухарестских пивных баронов. Под его сверкающими люстрами русские офицеры общались с американцами, произнося тосты и звеня бокалами с шампанским. Виснер пребывал в приятном возбуждении: он одним из первых в УСС смог войти в доверие к русским и гордо сообщил в штаб, что *установил успешную связь с советской разведывательной службой*.

В разведке к тому времени он служил меньше года. Русские же занимались этим делом более двух столетий. Они уже внедрились своих хорошо подготовленных агентов в УСС, и им удалось быстро просочиться в ряды румынских союзников и агентов Виснера. К середине зимы они целиком взяли под свой контроль румынскую столицу, согнали десятки тысяч румын, имевших родственные связи с немцами, в железнодорожные вагоны и отправили их на Восток, в трудовые лагеря. Виснер сам стал свидетелем, как из Румынии были отправлены двадцать семь товарных вагонов, битком заполненных человеческим «грузом». Эти воспоминания потом часто не давали ему покоя.

Виснер был глубоко потрясен. Позднее он возвратился к работе в штаб-квартире УСС в Германии, где между ним и Хелмсом сложились весьма напряженные отношения. В декабре 1945 года они вместе полетели в Вашингтон и, проведя в беседе друг с другом восемнадцать

часов, осознали, что понятия не имеют, будет ли у США секретная служба после их приземления на родине или нет.

«Настоящая гремучая смесь»

А в Вашингтоне битва за будущее американской разведки становилась все более ожесточенной. Объединенный комитет начальников штабов боролся за то, чтобы эта служба вошла в их непосредственное и полное подчинение. Армия и флот требовали своей «доли». Эдгар Гувер хотел, чтобы международным шпионажем занималось ФБР. Государственный департамент тоже не находил себе места. В спорах участвовал даже министр почт⁴.

Генерал Магрудер обозначил проблему следующим образом: *«Секретные разведывательные операции так или иначе связаны с постоянным нарушением всех правил... Говоря открыто, такие операции обязательно проводятся неофициально, а иногда они и вовсе незаконны»*. Он утверждал, притом весьма убедительно, что Пентагон и Государственный департамент не могут пойти на риск и управлять такими миссиями. Их под свой контроль должна была взять новая секретная служба.

Но чтобы заполнить ряды агентов этой организации, почти никого не осталось. *«Усилия по сбору разведывательных данных зашли в тупик»*, – заявил полковник Билл Куинн, старший помощник генерала Магрудера в Подразделении стратегических служб. Пять из каждых шести ветеранов УСС вернулись к прежней, довоенной жизни. То, что осталось от американской разведки, они расценивали как *«нечто состряпанное наспех и недолговечное, – говорил Хелмс. – Гремучая смесь, какой-то гибрид с непредсказуемой продолжительностью жизни»*. За три месяца число агентов сократилось почти на 10 тысяч и к концу 1945 года составило 1967 человек. Резидентуры в Лондоне, Париже, Риме, Вене, Мадриде, Лиссабоне и Стокгольме лишились почти всего своего кадрового состава. Закрылось пятнадцать из двадцати трех азиатских резидентур. К четвертой годовщине Перл-Харбора, убежденный в том, что президент Трумэн управляет американской разведкой, совершенно сбившись с правильного пути, Аллен Даллес вернулся на свою прежнюю работу в нью-йоркскую юридическую фирму «Салливан & Кромвелл», где партнером был его брат Джон Фостер Даллес. Фрэнк Виснер последовал за своим руководителем и возвратился в собственную юридическую фирму в Нью-Йорке, «Ледъярд Картер».

Оставшиеся аналитики разведки были направлены для формирования нового бюро расследований в Государственном департаменте. На них смотрели как на беженцев. *«Не думаю, что в моей жизни когда-нибудь был или мог быть более грустный или мучительный период»*, – писал Шерман Кент, позднее основатель директората ЦРУ. Самые талантливые, оказавшись в отчаянном положении, вернулись в свои университеты и газеты. Им на смену никто не пришел. И еще долгие годы не было создано никакой цельной и вразумительной разведслужбы, которая бы подчинялась американскому правительству.

Президент Трумэн поручил своему бюджетному директору Гарольду Д. Смит проследить за скрупулезным «демонтажом» американской военной машины. Но демобилизация превращалась, по сути, в разрушение. В день упразднения УСС *Смит предупредил президента, что Соединенным Штатам грозит возвращение в состояние юношеской «невинности», которое преобладало в государстве до Перл-Харбора. Он опасался, что американская разведка будет попросту уничтожена, причем самым главным должностным лицом государства*. На торопливо созванном совещании в Белом доме 9 января 1946 года начальник штаба адмирал Уильям Д. Леги прямо заявил президенту, что *«разведкой обошлись самым позорным образом»*.

⁴ Министр почт – глава министерства почт (Post Office Department) в 1872 – 1970 гг. (во многих случаях одновременно был председателем национального комитета (National Committee) своей политической партии).

Трумэн понял, что создал неразбериху, и решил все исправить. Он вызвал к себе заместителя директора военно-морской разведки, контр-адмирала Сидни Соерса. Находящийся в запасе Соерс был стойким приверженцем Демократической партии. Этот выходец с берегов Миссури стал богатым бизнесменом, который заработал состояние на страховании жизни и развитии сети магазинов «Пиггли-Уигли» – первых в стране супермаркетов самообслуживания. Он работал в послевоенной комиссии, изучающей перспективы разведки, созданной министром ВМС Джеймсом Форрестолом, но больше всего ему хотелось поскорее вернуться в Сент-Луис.

К своему огорчению, Соерс узнал, что президент собирается назначить его первым директором новой разведки. В день его представления к новой должности присутствовавший на церемонии адмирал Леги сделал запись в своем дневнике 24 января 1946 года: «*Сегодня во время ланча в Белом доме, на котором присутствовали лишь члены штаба, Трумэн вручил нам с контр-адмиралом Соерсом черные плащи, черные шляпы и деревянные кинжалы*». Потом президент посвятил Соерса в рыцари в качестве руководителя Группы плаща и кинжала и «директора централизованного шпионства». В результате этого спектакля изумленный резервист был поставлен во главе «внебрачной» и весьма недолговечной организации под названием Группа Центральной разведки (ГЦР). Теперь Соерс отвечал почти за 2 тысячи офицеров разведки и вспомогательный персонал, которые контролировали дела и досье почти на 400 тысяч человек. Многие из них понятия не имели, чем занимаются или что они, как предполагалось, должны делать. После приведения к присяге кто-то спросил Соерса, что тот хочет сейчас сделать. «Я хочу пойти домой», – ответил он.

Как и любого другого директора Центральной разведки, Соерса наделили огромной ответственностью, но при этом не дали эквивалентных полномочий. Никаких инструкций или указаний со стороны Белого дома он тоже не получил. Ситуация усугублялась тем, что никто в действительности не знал, чего хочет президент. Самое неприятное, что меньше всех это было известно самому Трумэну. *Трумэн заявил, что нуждается лишь в ежедневных разведсводках, чтобы избавиться от необходимости перелистывать каждое утро толстую пачку телеграмм.* По мнению основателей Группы Центральной разведки, это был единственный аспект их работы, который он когда-либо принимал во внимание.

Другие рассматривали миссию совершенно иначе. По мнению генерала Магрудера, в Белом доме сложилось молчаливое понимание о том, что Группа Центральной разведки будет управлять секретной службой. Если так, то на бумаге на эту тему не было написано ни единого слова. Президент никогда об этом не говорил, поэтому больше никто в правительстве не признавал законность новоявленной организации. Пентагон и Государственный департамент отказались беседовать с Соерсом и его людьми. Армия, флот и ФБР относились к ним с едва скрытым презрением. На посту директора Соерс продержался лишь сто дней, хотя продолжил служить президенту в качестве советника. Он оставил после себя лишь одно умозаключение, уместившееся в короткой секретной записке с просьбой следующего содержания: «*Назрела чрезвычайная потребность в кратчайшие сроки начать качественную и тщательную разведку в отношении СССР*».

Единственным источником информации о Кремле в те дни были недавно назначенный американский посол в Москве, будущий директор Центральной разведки, генерал Уолтер Беделл Смит, а также его высокопоставленный помощник и специалист по России Джордж Кеннан.

«Чего хочет Советский Союз?»

По происхождению Беделл Смит был сыном лавочника из Индианы. Не имея за плечами ни престижного лоска Уэст-Пойнта⁵, ни степени бакалавра, он дослужился от рядового до генерала.

Как начальник штаба Эйзенхауэра во Второй мировой войне, он тщательно разрабатывал каждое сражение в Северной Африке и Европе. Офицеры уважали и боялись своего неуклюжего коллегу. Смит был правой рукой Эйзенхауэра. Он трудился без устали день и ночь. После того как он неожиданно упал в обморок во время позднего обеда с Эйзенхауэром и Уинстоном Черчиллем, его отправили в госпиталь. Кровоточащая язва требовала срочного переливания крови и последующей продолжительной реабилитации. Но на больничной койке Смит залеживаться не стал и вскоре вернулся в палатку своего командующего. Он участвовал в трапезе с русскими офицерами в штабе союзников в Алжире, во время которой обсуждались совместные операции против нацистов. Он лично принял капитуляцию нацистов, завершившую собой изнурительную войну в Европе, с презрением поглядывая на немецких командиров в полуразрушенном здании школы во французском Реймсе – передовом штабе американских вооруженных сил. 8 мая 1945 года там же, в Реймсе, он провел несколько мимолетных минут в беседе с Алленом Даллесом и Ричардом Хелмсом. Страдающий от подагры Даллес прибыл сюда, чтобы встретиться с Эйзенхауэром и получить одобрение на создание мощного американского разведцентра в Берлине. У Айка (прозвище Д. Эйзенхауэра) в то утро для Даллеса времени не нашлось, что было сочтено как плохое предзнаменование.

Беделл Смит прибыл в Москву в марте 1946 года. Ему предстояло пройти своеобразный «курс обучения» у Джорджа Кеннана, поверенного в делах в американском посольстве, который много лет прожил в России. Кеннан провел немало бессонных ночей, пытаясь разгадать планы Иосифа Сталина.

Красная армия захватила во время войны почти половину Европы. Но этот куш обошелся слишком дорогой ценой: более 20 миллионов погибших. Русские войска освободили народы от нацизма, но теперь тень Кремля выступила далеко за пределы России и охватила территории с населением более 100 миллионов человек. Кеннан предвидел, что Советы будут стремиться силой удержать свои завоевания. Он просил Белый дом как можно скорее подготовиться к откровенному обмену мнениями и выяснению отношений.

За несколько дней до того, как Беделл Смит приземлился в Москве, Кеннан отправил едва ли не самое известное телеграфное послание в истории американской дипломатии, так называемую «длинную телеграмму» объемом 8 тысяч слов, в которой рисовалась яркая и не всегда объективная картина «советской паранойи». Читатели Кеннана – сначала единицы, а потом миллионы, – казалось, жадно ухватились за единственную строчку: Советы непроницаемы для логики рассуждений, но весьма чувствительны к «логике силы». Почти тотчас же Кеннан приобрел известность как крупнейший кремлинолог⁶ в американском правительстве. «Мы привыкли, особенно через собственный военный опыт, к наличию великого врага, – размышлял Кеннан много лет спустя. – Враг всегда находится в центре внимания. Он должен представлять собой абсолютное зло».

Беделл Смит называл Кеннана «самым лучшим наставником», которого когда-либо имел вновь прибывший глава дипломатической миссии.

⁵ Уэст-Пойнт – разговорное название Военной академии Сухопутных войск (Military Academy, U.S.).

⁶ Кремлинология – научная дисциплина на стыке политологии и исторической науки, занимающаяся изучением «коридоров власти» СССР и России. Особенно широкое распространение на Западе получила в 50 – 80-х гг. XX в. Ученых-советологов иногда называют кремлинологами.

Холодной, звездной ночью в апреле 1946 года Беделл Смит сел в черный лимузин с американским флагом и отправился в Кремль. У ворот советские офицеры тщательно проверили документы. Автомобиль миновал древние российские соборы и огромный колокол в основании высокой башни. Его приветствовали солдаты и офицеры в высоких черных кожаных сапогах и галифе с лампасами, попросив следовать за ними.

Он приехал один. Его провели через длинный коридор, высокие двупольные двери, обитые темно-зеленой простроченной кожей. Наконец, в просторном конференц-зале американский генерал встретился с русским генералиссимусом.

У Беделла Смита был наготове двусторонний вопрос: «Чего хочет Советский Союз и как далеко собирается пойти Россия?»

Сталин смотрел вдаль, дымя папиросой и рассеянно чертя красным карандашом какие-то фигуры и вопросительные знаки. Он отрицал наличие у русских каких-либо замыслов в отношении любых других народов. И осудил предупреждение Уинстона Черчилля, произнесенное в речи несколькими неделями ранее в Фултоне, штат Миссури, где речь шла о железном занавесе в Европе.

Сталин сказал, что Россия знает своих врагов.

– Действительно ли вы полагаете, что Соединенные Штаты и Великобритания объединились в союз, чтобы помешать России? – спросил напрямик Беделл Смит.

– Да, – ответил Сталин.

Генерал повторил свой первый вопрос:

– Как далеко собирается пойти Россия?

Отведя взгляд, Сталин ответил:

– Мы не намерены идти слишком далеко.

Насколько далеко? Никто не знал. В чем заключается задача американской разведки перед лицом новой советской угрозы? Никто не мог ответить на этот вопрос.

«Начинающий жонглер»

10 июня 1946 года генерал Хойт Ванденберг стал вторым директором Центральной разведки. Красавец летчик, который командовал тактическими воздушными операциями Эйзенхауэра в Европе, теперь управлял временной резиденцией, базирующейся в группе непримечательных зданий каменной кладки на дальнем краю «Туманного района»⁷, на отвесной скале с видом на реку Потомак. Его командный пункт находился на 2430-Е-стрит, в бывшей штаб-квартире УСС, вокруг которой располагались заброшенный газовый завод, пивоварня и площадка для катания на роликовых коньках.

Ванденбергу недоставало трех существенных вещей: денег, власти и людей. Группа Центральной разведки, по мнению Лоуренса Хьюстона, генерального советника Центральной разведки с 1946 по 1972 год. Юридически президент не мог создать федеральное агентство на пустом месте, из ничего. Без согласия конгресса Центральная разведка не могла законно расходовать деньги. Отсутствие денег означало отсутствие власти.

Ванденберг искренне стремился возродить американскую разведку. Он создал новое Управление специальных операций для ведения шпионажа и подрывной деятельности за границей и выторговал у горстки конгрессменов на выполнение поставленных задач 15 миллионов долларов. Он хотел знать все о советских войсках в Восточной и Центральной Европе – их перемещении, боеспособности, тактических планах – и приказал Ричарду Хелмсу срочно

⁷ «Туманный район», или «Туманное дно» – шутовское название Государственного департамента – министерства иностранных дел США (Foggy Bottom – старое название одного из районов Вашингтона (в прошлом – болотистая местность), где позднее были размещены государственные учреждения, в том числе Госдепартамент). В основе переосмысления – игра слов, которая содержит намек на туманные заявления дипломатов.

занияться этими вопросами. Хелмс, отвечающий за шпионаж в Германии, Австрии, Швейцарии, Польше, Чехословакии и Венгрии, имея в подчинении 228 заграничных агентов, сказал, что чувствует себя словно *«начинающий жонглер, который пытается удержать в воздухе надувной мяч, откупоренную бутылку молока и заряженный автомат»*. По всей Европе «целый легион политических эмигрантов, бывших офицеров разведки, предпринимателей и авантюристов всех мастей мнил из себя магнатов разведки, выступая посредниками в продаже сфабрикованной информации». Чем больше его шпионы тратили на покупку разведывательной информации, тем менее ценной она становилась. *«Наверное, нет более наглядной иллюстрации того, как безрассудно швыряются на ветер деньги, когда проблема никем толком не исследована»*. То, что поступило в качестве разведывательной информации о Советах и их союзниках, представляло собой фальсификацию, сфабрикованную талантливыми лгунами.

Позднее Хелмс решил, что по крайней мере половина информации о Советском Союзе и странах Восточной Европы, хранящейся в папках ЦРУ, – чистейшая неправда. Его резидентуры в Берлине и Вене стали центрами сфабрикованных разведданных. Мало кто из его офицеров и аналитиков мог отделить факты от вымысла. Прошло полвека, и ЦРУ столкнулось с тем же видом фальсификации, когда стремилось отыскать в Ираке злосчастное оружие массового поражения.

С первого дня работы на новом посту Ванденберг был потрясен наводящими ужас сообщениями из-за границы. Ежедневные сводки нагоняли температуру, но почти никогда не настраивали на лучшее. Было невозможно определить, насколько верны были те или иные сигналы, но они все равно шли по цепочке инстанций. Вот одна интересная зацепка: пьяный советский офицер хвастался, что Россия нанесет удар без предупреждения. Еще одна: командующий советскими войсками на Балканах предвкушает скорое падение Стамбула. И снова: Сталин готов вторгнуться в Турцию, окружить Черное море и взять под свой контроль Средиземноморье и Ближний Восток. Пентагон решил, что лучший способ ослабить советскую экспансию – отрезать пути снабжения Красной армии в Румынии. Старшие сотрудники штаба при Объединенном комитете начальников штабов принялись разрабатывать планы будущих сражений.

Ванденберг получил указание подготовить первую секретную операцию холодной войны. В стремлении выполнить приказ Ванденберг изменил задачу Группы Центральной разведки. 17 июля 1946 года он направил двух своих помощников на встречу с советником Трумэна в Белом доме Кларком Клиффордом. Они заявили в беседе, что *«первоначальная концепция Группы Центральной разведки теперь должна быть изменена»*, чтобы *«сделать вышеупомянутую Группу «оперативным агентством»*. Что просили, то и получили – правда, без всяких на то юридических оснований. В тот же день Ванденберг лично попросил министра обороны Роберта Паттерсона и госсекретаря Джеймса Бернса выделить ему дополнительно 10 миллионов долларов из секретных фондов *«для финансирования работы «агентов разведки во всем мире»*. Они согласились.

Управление специальных операций Ванденберга занялось созданием подпольных сил сопротивления в Румынии. Фрэнк Виснер оставил после себя целую сеть агентов в Бухаресте, готовых работать с американцами, но в эту сеть уже давно проникли агенты советской разведки. Чарльз Хостлер, первый руководитель резидентуры Управления специальных операций в Бухаресте, оказался в центре *«заговора, интриг, озлобленности, лицемерия, непорядочности, беспорядочных убийств и целенаправленных покушений»* среди фашистов, коммунистов, монархистов, промышленников, анархистов, умеренных, интеллигентов и идеалистов – представителей «социально-политической среды, к которой были плохо подготовлены молодые американские офицеры».

Ванденберг приказал лейтенанту Айре К. Гамильтону и майору Томасу Р. Холлу, размещившимся в крошечной американской военной миссии в Бухаресте, организовать Нацио-

нальную крестьянскую партию Румынии в качестве главной силы сопротивления. Майор Холл, который раньше служил в отделении УСС на Балканах, немного говорил по-румынски. Лейтенант Гамильтон иностранными языками не владел. Его помощником был важный агент, которого Виснер завербовал двумя годами раньше: Теодор Манакатид. Раньше он служил сержантом при штабе разведки румынской армии, а теперь работал на американскую военную миссию, днем – в качестве переводчика, а ночью – в качестве шпиона. Манакатид привел Гамильтона и Холла на встречу с руководителями Национальной крестьянской партии. Американцы предложили секретную поддержку в виде оружия и денег. 5 октября, в сотрудничестве с новой резидентурой Центральной разведки в оккупированной Вене, американцы тайно вывезли в почтовых мешках бывшего министра иностранных дел Румынии и пять других членов потенциальной освободительной армии в Австрию и спрятали их в безопасном месте.

Советской разведке и румынской тайной полиции потребовались считанные недели, чтобы выследить шпионов. Американцы и их главный агент бежали, спасая собственные жизни, когда коммунистические силы безопасности нанесли сокрушительный удар по румынскому сопротивлению. Лидеры Крестьянской партии были обвинены в измене и заключены в тюрьму. Манакатид, Гамильтон и Холл были заочно признаны виновными после того, как свидетели поклялись, что это агенты новой американской разведывательной службы.

20 ноября 1946 года Фрэнк Виснер открыл номер «Нью-Йорк таймс» и прочитал короткую статью на десятой странице, в которой сообщалось, что его бывший агент Манакатид, «прежде используемый миссией Соединенных Штатов», был приговорен к пожизненному заключению, «на том основании, что он сопровождал лейтенанта Гамильтона из американской военной миссии на съезд Национальной крестьянской партии». К концу зимы почти все румыны, которые работали на Виснера во время войны, были заключены в тюрьму или уничтожены; его личный секретарь совершил самоубийство. В Румынии воцарилась жестокая диктатура, и ее приход к власти был облегчен провалом американской секретной операции.

Виснер покинул свою юридическую фирму и переехал в Вашингтон, сохранив пост в Государственном департаменте, где он контролировал оккупированные зоны Берлина, Вены, Токио, Сеула и Триеста. У него по-прежнему были большие амбиции. Виснер был убежден, что Соединенные Штаты должны учиться борьбе новыми способами и обладать теми же навыками и тайнами, как и их противник.

Глава 3

«Клин клином вышибают...»

Вашингтон представлял собой небольшой город, которым управляли люди, полагающие, что живут в центре вселенной. Их мини-городком внутри большого города был Джорджтаун, анклав площадью не более квадратной мили, состоящий из мощенных булыжником улочек, утопающих в магнолиях. В самом его сердце, на 3327-Р-стрит, стоял прекрасный четырехэтажный особняк, построенный в 1820 году, с английским садом и столовой с высокими окнами. Фрэнк и Полли Виснер сделали этот особняк своим домом. Воскресными вечерами в 1947 году он стал штаб-квартирой зарождающегося американского учреждения национальной безопасности. Внешняя политика Соединенных Штатов обретала черты именно за столом у Виснеров.

Традицией в Джорджтауне стал поздний воскресный прием. Главным «блюдом» были, естественно, спиртные напитки. Старший сын Виснеров, тезка Фрэнка, который со временем достиг высот американской дипломатии, рассматривал эти воскресные вечерние ужины как *«необычайно знаменательные события. Здесь не только непринужденно обсуждались вопросы общественной жизни. Фактически мы обретали понимание того, как думало, боролись, работало, обменивалось мнениями, принимало решения и достигало согласия правительство»*. После обеда, согласно британской традиции, дамы удалялись, а мужчины оставались за столом, и смелые идеи и шутки звучали до поздней ночи. В любой из таких вечеров среди гостей мог оказаться близкий друг Виснеров Дэвид Брюс, ветеран УСС и впоследствии американский посол в Париже; Чип Болен, советник госсекретаря и будущий посол в Москве; заместитель Государственного секретаря Роберт Ловетт и будущий госсекретарь Дин Ачесон; а также новоявленный выдающийся кремлинолог Джордж Кеннан. Эти люди верили, что в их силах изменить текущий ход событий, и самые большие споры возникали на тему о том, как остановить захват Советами Европы. Сталин усиливал свой контроль на Балканах. В горах Греции левые партизаны боролись против правоцентристской монархии. Голодные бунты вспыхнули в Италии и Франции, где коммунисты настойчиво призывали к всеобщим забастовкам. Британские военные и агенты оставляли свои прежние позиции, предоставляя коммунистам свободу маневра и широкое поле деятельности. Над Британской империей заходило солнце, и министерство финансов едва ли могло в этом помочь. Соединенные Штаты оказывались перед необходимостью в одиночку возглавить свободный мир.

Виснер и его гости внимательно слушали Кеннана. Они несколько раз перечитывали «длинную телеграмму» из Москвы и разделяли его взгляды на советскую угрозу. В их числе был и министр военно-морского флота Джеймс Форрестол, – в скором будущем первый министр обороны, – уроженец Уолл-стрит, считавший коммунизм фанатической верой, против которой нужно бороться, не жалея сил. Форрестол стал политическим покровителем Кеннана, разместив его в генеральском особняке Национального военного колледжа и потребовав, чтобы с его работой в обязательном порядке ознакомились тысячи офицеров вооруженных сил. Директор Центральной разведки Ванденберг провел консультации с Кеннаном о том, как выведать планы Москвы по поводу создания атомной бомбы. Новый госсекретарь Джордж К. Маршалл, командующий армией США во Второй мировой войне, решил, что нация должна изменить внешнюю политику, и весной назначил Кеннана ответственным за новый Штаб политического планирования Государственного департамента.

Кеннан занимался разработкой планов для недавно объявленной холодной войны. За шесть месяцев *идеи малоизвестного дипломата* дали начало трем мощным силам: доктрине Трумэна – политическому предупреждению Москве, призванному остановить ее подрывную деятельность за пределами России; плану Маршалла, глобальному оплоту американского вли-

яния в противостоянии с коммунизмом; и секретной службе в виде Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

«Величайшая разведывательная служба в мире»

В феврале 1947 года английский посол предупредил действующего госсекретаря Дина Ачесона, что через шесть недель военно-экономическая помощь Англии, Греции и Турции будет прекращена. Для борьбы с угрозой коммунизма грекам на ближайшие четыре года требовалось около миллиарда долларов. Уолтер Беделл Смит передал из Москвы свою оценку ситуации: по его мнению, британские войска представляют собой единственную силу, которая не дает Греции оказаться на советской «орбите».

В США разгоралась «красная паника»⁸. Впервые со времен Великой депрессии республиканцы теперь контролировали обе палаты в конгрессе, и значительное влияние обрели такие фигуры, как сенатор из Висконсина Джозеф Маккарти и калифорнийский конгрессмен Ричард Никсон. Популярность Трумэна падала; с момента окончания войны его рейтинг на опросах общественного мнения значительно снизился. Президент изменил свое мнение о Сталине и Советах. Теперь он был убежден, что они представляют собой главное зло в мире.

Трумэн и Ачесон вызвали на совещание сенатора Артура Ванденберга, председателя Комитета по международным отношениям от Республиканской партии. (Газеты в тот день отметили, что племянник сенатора Хойт скоро будет освобожден с должности директора Центральной разведки, пробыв на ней всего восемь месяцев.) Ачесон объяснил, что коммунистический плацдарм в Греции станет угрозой всей Западной Европе. Соединенные Штаты встали перед необходимостью отыскать способ спасти свободный мир, а конгресс – соответственно, перед необходимостью оплатить все расходы.

Откашлявшись, сенатор Ванденберг повернулся к Трумэну. *«Господин президент, – сказал он, – единственный способ, которым вы можете добиться цели, – обратиться к народу с речью и избавить страну от опасений».*

12 марта 1947 года Трумэн произнес ту самую речь, предупредив совместную сессию конгресса о том, что мир окажется перед лицом катастрофы, если Соединенные Штаты не начнут борьбу с коммунизмом за границей. Необходимо ассигновать сотни миллионов долларов, чтобы укрепить Грецию, которой сейчас «угрожает террористическая деятельность нескольких тысяч вооруженных лиц», заявил президент. Без американской помощи «беспорядки могут распространиться на Ближний Восток», народы Европы впадут в отчаяние, и на свободный мир опустится тьма. Его кредо представляло собой нечто новое: «Я полагаю, что политика Соединенных Штатов должна быть направлена на то, чтобы поддержать свободные народы, которые сопротивляются покорению вооруженными меньшинствами или давлению извне». Нападение со стороны противника США на любую нацию в мире, должно считаться нападением на сами Соединенные Штаты. В этом и состояла суть доктрины Трумэна. Конгресс приветствовал речь президента продолжительными овациями.

В Грецию потекли миллионы долларов – наряду с военными кораблями, солдатами, пушками, боеприпасами, напалмом и шпионами. Вскоре Афины превратились в один из крупнейших американских разведывательных форпостов в мире. Решение Трумэна бороться с коммунизмом за границей стало первым ясным руководством, которое американские шпионы получили от Белого дома. Они все еще испытывали недостаток в сильном командующем. Генерал Ванденберг никак не мог дождаться того момента, когда сможет, наконец, возглавить новые

⁸ «Красная паника (опасность)» – характеристика политической ситуации в стране, относимая к двум периодам истории США с 1917 по 1920 г. и с 1940-х по 1950-е гг., в течение которых в американском обществе доминировали опасения, связанные с коммунистическим влиянием, не допускались к управлению страной и, более того, подвергались аресту сторонники коммунистической, социалистической и анархистской идеологий.

военно-воздушные силы, но в последние дни на посту директора Центральной разведки он сделал тайное признание горстке членов конгресса, заявив, что страна, как никогда прежде, стоит на пороге иностранных угроз. *«Океаны потеряли былое географическое значение, и теперь можно сказать, что Европа и Азия граничат с Соединенными Штатами почти так же, как Канада и Мексика»*, – сказал он, и эти слова в несколько иной форме, но не менее зловеще, прозвучали из уст президента Буша после терактов 11 сентября.

«Во Второй мировой войне, – сказал Ванденберг, – мы должны были полагаться и слепо доверять более совершенной разведывательной службе британцев», но «Соединенным Штатам впредь никогда не следует подобострастно упрашивать какое-либо иностранное правительство дать ему «глаза» – то есть иностранную разведку, – чтобы видеть. И все-таки ЦРУ придется рассчитывать на иностранные разведывательные службы с целью лучшего понимания соответствующих наций и языков». В заключение Ванденберг сказал, что понадобится еще по крайней мере пять лет, чтобы сформировать профессиональные кадры американских шпионов. Это предупреждение было повторено слово в слово пятьдесят лет спустя, в 1997 году, директором Центральной разведки Джорджем Дж. Тенетом, который произнес эти слова еще раз после своей отставки в 2004 г.

Преемником Ванденберга и третьим по счету человеком, который занимал этот пост за последние пятнадцать месяцев, стал контр-адмирал Роскоу Хилленкеттер, приведенный к присяге 1 мая 1947 года. Хилли, как все его называли, был похож на актера, которому режиссер неправильно подобрал роль. Он не производил внушительного впечатления. Как и свои предшественники, он никогда не хотел быть директором Центральной разведки – *«и, вероятно, ему никогда не следовало предлагать этот пост»*, – наглядно демонстрирует история ЦРУ той эпохи.

27 июня 1947 года комитет конгресса проводил секретные слушания, которые привели в конце лета к формальному созданию ЦРУ. Красноречивее всяких слов было то, что для ведения секретного семинара для нескольких избранных членов конгресса был выбран не Хилленкеттер, а Аллен Даллес – адвокат из частной юридической конторы.

Аллен Даллес обладал врожденным чувством патриотического долга. Он родился в 1893 году, в одной из лучших семей Уотертауна, штат Нью-Йорк. Его отец был пресвитерианским пастором; дедушка и дядя служили секретарями штата. Президентом его колледжа в Принстоне был Вудро Вильсон, позднее – президент Соединенных Штатов. Даллес был младшим дипломатом после Первой мировой войны и адвокатом уважаемой фирмы с Уолл-стрит в период Великой депрессии. Благодаря безупречной репутации крупного американского разведчика, сформированной на посту руководителя УСС в Швейцарии, Даллес расценивался республиканскими лидерами как директор Центральной разведки в изгнании. Аналогичным образом его брат Джон Фостер Даллес, главный представитель партии в вопросах внешней политики, считался теневым госсекретарем страны. Внешне Аллен был исключительно приветлив, мог даже похотеть от души. Но он был человеком коварным, безжалостно честолюбивым и хроническим прелюбодеем.

У дверей кабинета 1501 офисного здания в Лонгвуде дежурила вооруженная охрана; все находящиеся внутри люди поклялись хранить тайну. Сдувая пепел с трубки, словно неприятный директор школы, поучающий непослушных школьников, Аллен Даллес описывал работу ЦРУ. По его словам, оно будет «управляться относительно небольшой, но элитной группой лиц, обладающих страстью к анонимности». Его директору потребовались бы «в высшей степени судейский характер, а также «многолетний опыт и глубокие знания». Такой человек, в принципе, мало чем отличался бы от самого Аллена Даллеса. Его главные помощники, будь они военными, «лишили бы себя прежних воинских званий и надели бы на себя обличье разведывательной службы».

У американцев есть «сырье для создания величайшей разведывательной службы в мире, – говорил Даллес. – Штат не должен слишком многочисленным»; на первое время вполне хватило бы несколько сотен хороших агентов. «Деятельность службы не должна слишком бросаться в глаза, но при этом ее не нужно чрезмерно окутывать тайнами, как обычно нравится детективам-любителям, – заверил он членов конгресса. – Все, что требуется для успеха, – это тяжелая работа, разборчивое суждение и здравый смысл».

Он никогда не говорил, чего действительно хочет: возродить тайные операции УСС времен войны.

До создания новой американской секретной службы было рукой подать. Президент Трумэн представил новую архитектуру холодной войны, подписав Закон о национальной безопасности 26 июля 1947 года. Согласно этому акту военно-воздушные силы обрели статус отдельной службы, которую возглавил генерал Ванденберг. Новый Совет национальной безопасности должен был стать распределительным щитом Белого дома для президентских решений. В соответствии с законом было также создано министерство обороны; его первому «обитателю», Джеймсу Форрестолу, было приказано объединить американские вооруженные силы. (*«Этот офис, – напишет Форрестол несколько дней спустя, – вероятно, будет самым большим кладбищемдохлых кошек в истории».*)

В шести коротких и фрагментарных параграфах закон дал жизнь Центральному разведывательному управлению, которое было образовано 18 сентября.

Уже при рождении ЦРУ имело критические дефекты. С самого начала оно столкнулось с жесткими и непреклонными оппонентами в Пентагоне и Государственном департаменте – ведомствах, отчеты которых оно, как предполагалось, должно было координировать. Управление было у них не надзирателем, а скорее пасынком. Его полномочия были определены нечетко. Почти два года у организации не было ни формального устава, ни одобренного конгрессом бюджета. Штаб-квартира ЦРУ выживала все это время на средства, выделенные несколькими членами конгресса.

А его секретность всегда находилась в противоречии с открытостью американской демократии. *«У меня были самые мрачные предчувствия об этой организации, – писал Дин Ачесон, будущий госсекретарь, – и я предупредил президента, что в подобной ситуации ни он лично, ни Совет национальной безопасности, ни кто-либо другой не будут иметь возможности знать о том, что делает ЦРУ, и, тем более, управлять им».*

В Законе о национальной безопасности ничего не говорилось о тайных операциях за границей. Он предписывал ЦРУ соотносить, оценивать и всячески углублять разведку, а также выполнять «другие связанные с разведкой функции и обязанности, относящиеся к национальной безопасности». В эти полтора десятка слов была вложена энергия, которую генерал Магрудер приберег в самом конце, когда за два за два года до этого беседовал с президентом. *«Со временем через эту «лазейку» провели сотни крупных секретных операций; причем более восьмидесяти – в течение срока полномочий Трумэна».*

Проведение секретной операции требовало прямых или подразумеваемых полномочий Совета национальной безопасности. СНБ в те дни представляли президент Трумэн, министр обороны, госсекретарь и руководители военных ведомств. Но это был недолговечный орган. Созывался он редко, а когда это случалось, то Трумэн почти никогда не присутствовал.

Он приехал на первую встречу 26 сентября, как и весьма осторожный Роскоу Хилленкеттер. *«Советник ЦРУ Лоуренс Хьюстон предупредил директора о растущих призывах к секретным операциям».* Он сказал, что у ведомства нет никаких юридических полномочий, чтобы проводить их без явного согласия конгресса. Хилли стремился ограничить заграничные миссии ЦРУ сбором разведанных. Но здесь он потерпел неудачу. Важные решения принимались втайне, часто за завтраком по средам в доме министра обороны Форрестола.

27 сентября Кеннан направил Форрестолу подробный документ, призывающий к учреждению «партизанского корпуса». Кеннан считал, что хотя американцы могут никогда и не одобрить подобные методы, но «можно существенно укрепить нашу безопасность, если бороться с врагом его же средствами». Возбужденный Форрестол с жаром согласился. Вместе они привели в движение американскую тайную службу.

«Инаугурация организованной политической войны»

Форрестол вызвал Хилленкеттера в Пентагон, чтобы обсудить «существующее широко распространенное мнение о том, что наша Группа разведки совершенно непригодна». У него были на то серьезные основания. Несоответствие между способностями ЦРУ и задачами, которые оно было призвано выполнить, было просто ошеломляющим.

Новый командующий отделом ЦРУ по Специальным операциям, полковник Дональд Гэллоуэй, был придирчивым начальником, который достиг вершин своего таланта в качестве... инструктора по кавалерии в Уэст-Пойнте. Его заместитель, Стивен Пенроуз, который управлял ближневосточным отделением УСС, ушел в отставку. *В исполненной горечи докладной записке* Форрестолу Пенроуз предупредил, что «ЦРУ теряет истинных профессионалов и не привлекает новый компетентный персонал», причем в тот самый момент, «когда правительство, как никогда прежде, нуждается в эффективной, непрерывно расширяющейся и профессиональной разведывательной службе».

Тем не менее 14 декабря 1947 года Совет национальной безопасности издал свои первые секретные приказы для ЦРУ. Ведомство должно было провести «тайные психологические операции, предназначенные для того, чтобы противостоять советской и вдохновленной Советами деятельности». С этим «барабанным боем» ЦРУ вознамерилось победить красных на итальянских выборах, которые были запланированы на апрель 1948 года.

ЦРУ сообщило Белому дому, что Италии грозит участь тоталитарного полицейского государства. Если коммунисты победят в тайном голосовании, то захватят «древнейший оплот западной культуры». Кроме того, набожные католики серьезно обеспокоены безопасностью папского престола».

Перспектива безбожного правительства, окружившего папу римского, была слишком ужасна, чтобы долго раздумывать. Кеннан решил, что лучше спровоцировать вооруженный конфликт, чем позволить коммунистам прийти к власти законным путем; но еще эффективнее провести секретную операцию, смоделированную на основе коммунистических методов подрывной деятельности.

Агент ЦРУ Марк Виатт, изрядно поднаторевший на этой операции, вспоминает, что началась она за несколько недель до того, как Совет национальной безопасности выдал формальную санкцию. Конгресс, естественно, никакой отмашки не давал. Миссия, вообще-то говоря, была незаконна с самого начала. «В штаб-квартире ЦРУ все были в ужасе и боялись до смерти, – сказал Виатт, и у него были вполне серьезные основания. – *Все, что мы предпринимали, явно выходило за рамки нашего устава*».

Чтобы облегчить победу над коммунистами, требовалось очень много денег. По оценкам от руководителя Римской резидентуры ЦРУ Джеймса Энглтона, необходимо было около 10 миллионов долларов. Энглтон, частично выросший в Италии, служил там еще в УСС и продолжил свою работу в разведке; он сообщил в штаб, что проник в итальянскую секретную службу настолько глубоко, что фактически управлял ею. Он смог бы передавать ее членам деньги по цепочке. Но откуда должны были поступить деньги? У ЦРУ все еще не было ни независимого бюджета, ни резервного фонда для проведения секретных операций.

Джеймс Форрестол и его близкий друг Аллен Даллес обратились за помощью к приятелям и коллегам с Уолл-стрит и из Вашингтона – бизнесменам, банкирам и политическим

деятелям. Но этого оказалось недостаточно. Тогда Форрестол отправился к старому приятелю, министру финансов Джону Снайдеру, – одному из наиболее близких союзников Гарри Трумэна. Он убедил Снайдера прошерстить Валютный стабилизационный фонд, учрежденный еще в эпоху Великой депрессии, чтобы укрепить стоимость доллара за границей через краткосрочную торговлю валютой, и преобразованный во время Второй мировой войны в хранилище для трофеев, захваченных у стран оси. В фонде накопилось 200 миллионов долларов, предназначенных для реконструкции Европы. Из него поступали миллионы на банковские счета богатых американских граждан. Многие из них были выходцами из Италии и направляли деньги в недавно сформированные политические фронты, созданные при участии ЦРУ. Дарителям было сказано ставить специальный знак на свои налоговые декларации, рядом с фразой «пожертвования на благотворительные нужды». Миллионы долларов поступили итальянским политическим деятелям и священникам католической церкви – политической руке Ватикана. Чемоданы, битком заполненные наличностью, переходили из рук в руки в четырехзвездочном отеле «Хасслер». «Нам хотелось повернуть это более изощренным способом, – говорил Виатт. – Передача черных чемоданов и сумок с целью повлиять на политические выборы – не слишком привлекательная штука». Но она сработала: христианские демократы Италии одержали победу с большим отрывом и сформировали правительство, в котором для коммунистов не нашлось места. Начался длинный «роман» между итальянской партией и американской разведкой. Практика покупки выборов и политических деятелей с помощью сумок с наличностью многократно повторялась в Италии – и во многих других странах – в течение последующих двадцати пяти лет.

Но за несколько недель до выборов коммунисты одержали еще одну победу. Они захватили Чехословакию, начав зверскую череду арестов и казней, продолжавшихся почти пять лет. *Руководитель отделения ЦРУ в Праге Чарльз Катек* занимался переправкой трех десятков своих агентов и их семей через границу в Мюнхен. Главным среди них был руководитель чешской разведки. Катек договорился тайно провезти его через границу, посадив между радиатором и решеткой родстера.

5 марта 1948 года, когда чешский кризис набирал силу, в Пентагон поступила крайне тревожная телеграмма от генерала Люциуса Д. Клея, командующего американскими оккупационными войсками в Берлине. По словам генерала, он чувствовал, что Советы якобы могут напасть с минуты на минуту. Пентагон дал огласку этой телеграмме, и Вашингтон затрепетал от страха. Хотя Берлинская резидентура ЦРУ направила донесение, в котором заверяла президента, что никаких признаков нападения нет, никто не принял это во внимание. На следующий день Трумэн выступил на совместном заседании конгресса, предупредив, что Советский Союз и его агенты угрожают мировой катастрофой. Он потребовал и почти сразу же заручился поддержкой крупнейшей экономической программы, которая вошла в историю под названием *плана Маршалла*.

Согласно плану Маршалла, свободному миру, в частности странам с некоммунистическими правительствами, предлагалась экономическая помощь в размере миллиардов долларов, чтобы возместить убытки, нанесенные войной, и заодно создать американский экономический и политический барьер против Советов. В девятнадцати столицах – шестнадцати в Европе и трех в Азии – Соединенные Штаты предлагали восстановить послевоенную разруху по своему образцу. В числе главных творцов упомянутого плана были Джордж Кеннан и Джеймс Форрестол. Роль консультанта выполнял Аллен Даллес...

Они помогли разработать секретное дополнение, которое позволяло ЦРУ вести политическую войну. Это дало возможность ведомству «выцарапать» на собственные нужды многие и многие миллионы долларов.

Механика этого дела оказалась удивительно проста. После того как конгресс одобрил план Маршалла, он выделил около 13,7 миллиарда долларов на срок более пяти лет. Страна,

которая получала помощь согласно этому плану, должна была зарезервировать эквивалентную сумму в собственной валюте. 5 процентов из указанного бюджета – то есть 685 миллионов долларов – так или иначе поступили в распоряжение ЦРУ через заграничные учреждения плана.

Это была глобальная схема отмывания денег, которая оставалась секретной вплоть до полного окончания холодной войны. План Маршалла успешно шествовал по Европе и части Азии, и американские шпионы также чувствовали себя весьма неплохо. «Мы окажем им небольшую помощь и сделаем вид, что ничего не заметили, – заявил как-то полковник Р. Аллен Гриффин, руководивший дальневосточным отделением плана Маршалла. – *Скажите им, чтобы пошарили у нас в карманах*».

Тайные фонды всегда были сердцевинной секретных операций. У ЦРУ теперь был постоянный источник никем не отслеживаемой наличности.

4 мая 1948 года в одном сверхсекретном документе, предназначенном, по-видимому, для двух десятков лиц в Государственном департаменте, Белом доме и Пентагоне, Кеннан провозгласил *«инаугурацию организованной политической войны»* и призвал к созданию новой тайной службы, которая займется проведением операций во всем мире. Он ясно дал понять, что план Маршалла, доктрина Трумэна и секретные операции ЦРУ представляют собой взаимосвязанные части одной большой стратегии, направленной против Сталина.

Деньги, которые ЦРУ перекачивало из плана Маршалла, предназначались для финансирования ряда ложных «фронтов» – целого «фасада» общественных комитетов и советов, возглавляемых видными гражданами. У коммунистов имелись организации-прикрытия по всей Европе: издательства, газеты, студенческие группы, профсоюзы. Теперь ЦРУ учредило свои собственные. Упомянутые организации вербовали иностранных агентов из числа эмигрантов из Восточной Европы и беженцев из России. Из иностранцев под контролем ЦРУ формировали подпольные политические группы в некоммунистических странах Европы. Предполагалось, что подпольщики передадут пламя борьбы «всеобщим освободительным движениям» по ту сторону железного занавеса. Если бы холодная война стала «горячей», то на стороне Соединенных Штатов уже имелась бы реальная сила за линией фронта.

Идеи Кеннана быстро завоевали популярность. Его планы были одобрены в секретной резолюции Совета национальной безопасности от 18 июня 1948 года. *Директива 10/2 СНБ призывала к проведению тайных операций против Советов во всем мире*.

Ударная сила, которая, по задумке Кеннана, была призвана вести упомянутую секретную войну, получила самое умеренное и неприязнительное название – Управление координации политики (УКП). Это была ширма, предназначенная для того, чтобы завуалировать истинные намерения и работу созданной группы. УКП было структурировано внутри ЦРУ, но его руководитель подчинялся министру обороны и госсекретарю, – ввиду откровенной слабости директора Центральной разведки. Согласно докладу Совета национальной безопасности, рассекреченному в 2003 году, Государственный департамент хотел, чтобы новое ведомство занималось *«распространением дезинформации, подкупом и организацией некоммунистических фронтов»*. Но Форрестол и Пентагон мечтали о «партизанских движениях... подпольных армиях... диверсиях и убийствах».

«Боссом может быть кто-то один»

Самым крупным полем битвы стал Берлин. Фрэнк Виснер неустанно трудился, стремясь выработать четкую американскую стратегию в оккупированном городе. Он убеждал своих начальников в Государственном департаменте предпринять хитрость, нацеленную на подрыв Советов: ввести в обращение новую немецкую валюту. Можно было не сомневаться, что Москва отвергнет эту идею и тем самым будут нарушены послевоенные соглашения о разде-

лении власти в Берлине. Новая политическая динамика, считал Виснер, позволит серьезно потеснить русских.

23 июня западные державы учредили новую валюту. Советы в ответ тут же блокировали Западный Берлин. Когда Соединенные Штаты организовали «воздушный мост», чтобы прорвать блокаду, Кеннан проводил долгие часы в «кризисной» комнате, наглухо запертом узле связи на пятом этаже Государственного департамента, с тревогой просматривая телеграммы и телексы, получаемые из Берлина.

Берлинская резидентура ЦРУ больше года тщетно пыталась собрать разведывательные данные о Красной армии в оккупированной Германии и России, а также отследить разработки Москвой ядерного оружия, реактивных истребителей, ракет и средств биологической войны. И все-таки у его офицеров были агенты в полиции Берлина и среди политических деятелей. Одна из важнейших ниточек вела в штаб советской разведки в Карлхорсте в Восточном Берлине. Ее поддерживал Том Полгар, венгерский беженец, оказавшийся одним из лучших агентов ЦРУ. У Полгара в доме был дворецкий, а у дворецкого – брат, работающий в конторе у советского офицера в Карлхорсте. Полгар передавал в Карлхорст дефицитные продукты вроде соленого арахиса, а взамен получал информацию. У него был и второй агент – телетайпистка на советском узле связи при Берлинском главном полицейском управлении в Берлине. Ее сестра была возлюбленной лейтенанта полиции, находящегося в тесных отношениях с русскими. Любовники встречались на квартире Полгара. «Это принесло мне известность и славу», – вспоминал он. Полгар передал важнейшую информацию, которая добралась до Белого дома. «Во время берлинской блокады я был полностью уверен, что Советы не предпримут никаких действий», – написал он. Донесения ЦРУ отличались определенной стабильностью: ни советские военные, ни их недавно созданные восточногерманские союзники не готовятся к сражению. Берлинская резидентура выполнила свою роль, чтобы в те тревожные месяцы не дать холодной войне выплеснуться в войну открытую.

Виснер же был готов к открытому военному конфликту. Он утверждал, что Соединенные Штаты должны пробить себе путь в Берлин с помощью танков и артиллерии. Его идеи были отвергнуты, но боевой дух оценен по достоинству.

Кеннан настаивал на том, что тайными операциями не может управлять комитет. Здесь, по его мнению, нужен один главнокомандующий с полной поддержкой Пентагона и Государственного департамента. «Боссом должен стать кто-то один», – написал он, обращаясь к Форрестолу, Маршаллу. Все сошлись во мнении, что таким человеком является Фрэнк Виснер.

На вид это был скромняга лет сорока, обладатель некогда незаурядной наружности. В юности он был красив, но его волосы начинали редеть, а лицо и тело – потихоньку распухать от пристрастия к алкоголю. У Виснера был менее чем трехлетний опыт в качестве военного шпиона и криптодипломата. Теперь ему предстояло создавать секретную службу фактически на пустом месте.

Ричард Хелмс заметил, что Виснер *горит «рвением и энергией, которые, бесспорно, придают его облику нехарактерную напряженность»*.

Его страсть к секретным операциям навсегда изменила место Америки в существующем мире.

Глава 4

«В обстановке наивысшей секретности»

1 сентября 1948 года Фрэнк Виснер возглавил американскую секретную службу. Его задача: отбросить Советы к прежним границам России и освободить Европу от «коммунистического» контроля. Командный пункт Виснера находился в одном из многочисленных временных зданий Военного ведомства, расположенных по краям Зеркального пруда между Мемориалом Линкольна и памятником Вашингтону. Стены коридоров были изъедены паразитами. Его подчиненные называли это место Крысиным дворцом.

Виснер работал в состоянии контролируемого безумия не менее двенадцати часов в день, шесть дней в неделю. Аналогичной самоотдачи он требовал от подчиненных. Он редко докладывал директору Центральной разведки, чем занимается. По мнению Виснера, он сам должен решать, соответствуют ли его секретные миссии американской внешней политике.

Его организация вскоре переросла все остальные находящиеся в составе ЦРУ. Тайные операции стали доминирующей силой Управления; сюда было вовлечено больше людей, больше материальных средств и больше власти. И так продолжалось свыше двадцати лет. Утвержденная миссия ЦРУ состояла в том, чтобы обеспечивать президента секретной информацией, имеющей важное значение для национальной безопасности Соединенных Штатов. Но Виснер не обладал должным терпением для осуществления шпионажа, у него не было времени для отсеивания и взвешивания выявленной информации. Куда легче – а для Виснера еще и намного важнее – было сделать какой-нибудь удачный маневр или подкупить политического деятеля, чем проникнуть в советское Политбюро.

Виснер за месяц разработал боевые планы на последующее пятилетие. Он намеревался создать многонациональный конгломерат СМИ для пропаганды. Он хотел вести экономическую войну против Советов с помощью фальшивой валюты и манипулирования рынками. Он потратил миллионы на попытки склонить чашу весов на свою сторону.

Ему хотелось завербовать целые легионы изгнанников – русских, албанцев, украинцев, поляков, венгров, чехов, румын – для формирования групп вооруженного сопротивления, способных проникнуть через железный занавес. По мнению Виснера, в Германии насчитывалось около 700 тысяч русских, так или иначе брошенных на произвол судьбы, которые могли бы вступить в такие организации. Тысячу из них он хотел преобразовать в политические ударные группы. Но в итоге нашел всего семнадцать человек...

По приказу Форрестола Виснер создавал сети резервных агентов-иностранцев, которые, как предполагалось, вступят в схватку с Советами с началом третьей мировой войны. Цель заключалась в том, чтобы затормозить наступление сотен тысяч войск Красной армии в Западной Европе. Виснер хотел, чтобы оружие, боеприпасы и взрывчатка, спрятанные в тайниках по всей Европе и Ближнему Востоку, сделали свое дело и наступающие Советы увидели перед собой лишь взорванные мосты, склады и арабские нефтяные месторождения. Генерал Кертис Лемей, новый руководитель Стратегического авиационного командования ВВС⁹ – человек, под непосредственным контролем которого находилось американское ядерное оружие, – знал, что после сброса своего смертоносного груза на Москву в бомбардировщиках закончится топливо и на обратном пути его пилоты и расчеты должны будут, как ни крути, катапультироваться

⁹ Стратегическое авиационное командование В В С (САК ВВС) создано как самостоятельное командование в 1947 г. В его ведении до 1992 г. находились вся стратегическая авиация и межконтинентальные баллистические ракеты; штаб – авиабаза Оффут, штат Небраска. Значительная часть находившихся в его ведении бомбардировщиков B-52 (B-52) использовалась в тактических целях во время войны в Персидском заливе (1991). После ликвидации САК в 1992 г. его бомбардировщики и ракеты были приданы командованию боевой авиации ВВС.

где-нибудь к востоку от железного занавеса. *Лемей сообщил правой руке Виснера, Фрэнклинну Линдсею*, о необходимости создания маршрутов эвакуации для его людей с целью их наземной эвакуации. Полковники ВВС обратились к коллегам из ЦРУ: захватить советский истребитель-бомбардировщик, предпочтительно вместе с пилотом; внедрить агентов с рациями на каждый аэродром между Берлином и Уралом; организовать диверсии на взлетно-посадочных полосах военных аэродромов СССР при первых же сигналах войны. Это были уже не просьбы. Это были приказы.

Прежде всего, Виснер нуждался в тысячах американских шпионов. Охота за талантами, как и сейчас, была постоянной головной болью. Он организовал рекрутинговую кампанию от Пентагона до Парк-авеню, Гарварда и Принстона, где профессорам и инструкторам щедро платили за выявленные таланты. Он нанимал адвокатов, банкиров, студентов, старых школьных друзей, безработных ветеранов. «Они вытягивали людей прямо с улицы, интерес вызывал любой, кто мог сказать «да» или «нет» или шевелить конечностями», – писал Сэм Халперт из ЦРУ. В течение полугода Виснер планировал открыть по меньшей мере тридцать шесть отделений за границей; удалось открыть сорок семь за три года. Почти в каждом таком городе у него было два руководителя резидентуры ЦРУ: один участвовал в секретных операциях и работал лично на Виснера, а другой занимался шпионажем для Управления специальных операций. Оба ведомства старались перехитрить друг друга, переманивали агентов и боролись за превосходство. Виснер, например, переманил к себе сотни офицеров из Управления специальных операций, предложив более высокие зарплаты и пообещав больше славы.

Он реквизирует у Пентагона самолеты, оружие, боеприпасы, парашюты и даже лишнюю форменную одежду с военных баз в оккупированных зонах Европы и Азии. Вскоре он уже управлял военным имуществом стоимостью в четверть миллиарда долларов! «Виснер мог запросто обратиться к любому ведомству правительства и попросить выделить ему персонал или финансовую поддержку, которую только захочет», – говорил Джеймс Маккаргар, один из первых, кого Виснер назначил в Управление по координации политики (УКП). «ЦРУ, конечно, являлось публично известным ведомством, просто проводимые им операции являлись секретными. А что касается УКП, то секретными были не только его операции: само существование организации также держалось в тайне. Таким образом, ведомство в первые годы своего существования было, – и это нужно подчеркнуть, поскольку лишь немногие, по-видимому, знают об этом, – *самым секретным в американском правительстве после ядерного оружия*». Как и первые образцы ядерного оружия, испытательные взрывы которого оказались более мощными, чем ожидали разработчики, служба секретных операций Виснера росла намного быстрее и распространялась гораздо дальше и глубже, чем кто-либо мог предположить.

Во время войны Маккаргар работал в Госдепартаменте, тесно сотрудничал с русскими и быстро понял, что «единственный метод, который поможет выполнить работу, – держать все в тайне». Он собственноручно эвакуировал венгерских политических лидеров из Будапешта, доставив их на конспиративную квартиру в Вене, оборудованную Элом Алмером, первым резидентом ЦРУ в этой оккупированной европейской столице. Они быстро подружились. Оказавшись в Вашингтоне летом 1948 года, Алмер пригласил Маккаргара познакомиться с его новым начальником. Виснер пригласил обоих на завтрак в отель «Хей-Адамс», самый модный в Вашингтоне, расположенный недалеко от Белого дома, с видом на Лафайет-парк. Маккаргар сразу же был принят на службу в качестве представителя штаба, и под его началом оказались резидентуры семи стран: Греции, Турции, Албании, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии. Он вспоминал потом, что, когда явился на работу в октябре 1948 года, «нас было всего десять человек, включая самого Виснера, нескольких офицеров, секретарей и меня... За год это число выросло до четырехсот пятидесяти, а через несколько лет нас стало много тысяч».

«На нас взирали как на королей»

Виснер направил Эла Алмера в Афины, откуда намеревался охватить десять стран в Средиземноморье, Адриатике и на Черном море. Новый резидент купил особняк на холме с видом на город. *«Мы взяли на себя большую ответственность, – сказал Алмер много лет спустя. – Но именно мы управляли ситуацией. Все на нас взирали как на королей».*

ЦРУ начало осуществлять тайную политическую и финансовую поддержку наиболее честолюбивым офицеров армии и разведки Греции, вербуя к себе на службу перспективную молодежь – тех, кто мог в будущем возглавить нацию. Связи, которые они сейчас налаживали, могли в будущем принести немалые дивиденды. *«Сначала в Афинах и Риме, затем по всей Европе политические деятели, генералы, руководители разведслужб, издатели газет, профсоюзные деятели, культурные организации и религиозные сообщества начали обращаться к ведомству за денежной поддержкой и для консультаций. «Отдельные люди, группы и разведывательные службы быстро осознали, что в мире есть сила, вокруг которой они все могут сплотиться»*, – написано в одном из секретных отчетов ЦРУ в первые годы пребывания Виснера на своем посту.

Резидентам Виснера требовались деньги. В середине ноября 1948 года *Виснер вылетел в Париж, чтобы обсудить эту проблему с Авереллом Гарриманом, координатором плана Маршалла.* Они встретились в роскошных апартаментах отеля «Талейран», в котором в далеком прошлом останавливался наполеоновский министр иностранных дел. Под пристальным взглядом мраморного бюста Бенджамина Франклина Гарриман говорил, чтобы Виснер не стеснялся и смело опускал руку в «денежный мешок» плана настолько глубоко, насколько это было нужно. Вооруженный такими полномочиями, Виснер возвратился в Вашингтон, чтобы встретиться с Ричардом Бисселлом, главным администратором плана Маршалла. *«Я встретился с ним неофициально, поскольку знал и доверял ему, – вспоминал Бисселл. – Он во многом был частью нашего весьма узкого круга».*

Виснер приехал как раз вовремя. Бисселл поначалу был сбит с толку, но «Виснер не торопился, чтобы развеять по крайней мере некоторые из моих опасений, уверяя меня, что Гарриман уже высказал одобрение. Когда я немного надавил на него, спросив, как все-таки будут использоваться деньги, он объяснил, что пока не может мне ответить». Но вскоре Бисселлу предстояло все узнать самому. Десятилетие спустя он сам оказался на нынешнем посту Виснера.

Виснер предложил ослабить коммунистическое влияние через крупнейшие торговые федерации во Франции и Италии с по мощью средств из плана Маршалла; Кеннан лично уполномочил его на такие операции. Для руководства первой операцией Виснер в конце 1948 года выбрал двух талантливых рабочих лидеров. Это были Джей Лавстоун, бывший председатель американской Коммунистической партии, и Ирвинг Браун, его преданный последователь; оба были убежденные антикоммунисты, разочарованные горькими идеологическими сражениями 1930-х. Лавстоун работал исполнительным секретарем комитета Свободного профсоюза, отделения Американской федерации труда; Браун был его главным представителем в Европе. Из ЦРУ доставили крупные суммы денег для рабочих групп, которых поддерживали христианские демократы и католическая церковь. Взятки в портах Марселя и Неаполя служили гарантией того, что американское оружие и военный инвентарь будут разгружаться дружелюбно настроенными портовыми грузчиками. *Деньги ЦРУ потекли в липкие лапы корсиканских гангстеров, знавших не понаслышке, как сорвать рабочую забастовку.*

Одна из более благородных задач Виснера состояла в создании тайной ассоциации, которая стала влиятельным фронтом ЦРУ на ближайшие двадцать лет: Конгресса культурной свободы. Виснер предполагал *«обширный проект, предназначенный для интеллигенции – «битва*

за умы Пикассо», если хотите, – как изящно выразился Том Брейден, ветеран УСС и всегдашней вечерних воскресных ужинов. – Это была война слов, которую ведут с помощью небольших журналов, книг в мягкой обложке и возвышенных конференций... Думаю, бюджет Конгресса культурной свободы за тот год, когда он находился под моим попечением, составлял приблизительно 800 – 900 тысяч долларов», – вспоминал Брейден. Сюда входил начальный капитал для ежемесячного издания под названием «Первое знакомство», весьма популярного в 1950-х годах, хотя оно продавалось тиражом не больше 40 тысяч. Это была своего рода миссионерская работа, обращенная к гуманитариям, недавно прибывшим в агентство. Надо сказать, жить где-нибудь в Париже или Риме, возглавляя небольшую газету или издательство, было вовсе не плохо.

Виснер, Кеннан и Аллен Даллес видели для себя более эффективный способ использовать политический пыл и интеллектуальный потенциал восточноевропейских изгнанников и направить все это по ту сторону железного занавеса: через радио «Свободная Европа». Разработка проекта началась в конце 1948 – начале 1949 года, но потом потребовалось еще более двух лет, чтобы заполучить это радио в эфире. Даллес стал основателем Национального комитета свободной Европы, одной из многих ширм, финансирующихся ЦРУ. В руководство «Свободной Европы» входили генерал Эйзенхауэр, Генри Льюс, председатель совета директоров «Тайм-Лайф-энд-Форчун» и Сесил Б. Демилл, голливудский продюсер. Все эти люди служили для Даллеса и Виснера лишь в качестве прикрытия. Вообще, радио постепенно становилось мощным оружием политической войны.

«В замешательстве»

Виснер возлагал большие надежды на то, что следующим директором Центральной разведки станет Аллен Даллес. Даллес тоже на это рассчитывал.

В начале 1948 года Форрестол попросил Даллеса возглавить секретное расследование, направленное на выявление структурных недостатков ЦРУ. По мере приближения президентских выборов Даллес вносил последние штрихи в отчетный доклад, который фактически являлся инаугурационной речью при вступлении на высший пост в Центральной разведке. Он был уверен, что Трумэн не выдержит конкуренции с кандидатом от республиканцев Томасом Дьюи¹⁰ и что новый президент незамедлительно предложит ему должность, которую он по праву заслужил.

Этот доклад, *который оставался секретным в течение пятидесяти лет, был весьма детальным и беспощадным обвинением*. Первый пункт обвинения: ЦРУ производит лишь горы бумаг, в которых содержится крайне мало (если вообще содержалось) каких-либо фактов о коммунистической угрозе. Второй пункт обвинения: у агентства нет никаких шпионов в России и у ее союзников. Третий пункт обвинения: Роскоу Хилленкеттер совершенно не годится на пост директора Центральной разведки. В докладе говорилось, что ЦРУ еще не представляет собой «адекватную разведывательную службу» и потребуются «годы терпеливой работы, чтобы сделать ее таковой». Для этого требовался новый смелый лидер, и его личность ни для кого не была загадкой. Хилленкеттер горько отметил, что Аллен Даллес почти выгравировал свое имя на двери директора Центральной разведки. Но к тому времени, когда доклад получил огласку в январе 1949 года, Трумэна переизбрали на пост президента США. А Даллес был настолько тесно связан с Республиканской партией, что его назначение на пост директора ЦРУ представ-

¹⁰ Дьюи Томас Эдмунд (1902 – 1971) – юрист и политический деятель. С 1926 по 1942 г. был следователем, помощником прокурора, нью-йоркским окружным прокурором, активно боролся с рэкетом. В 1942, 1946 и 1950 гг. избирался губернатором штата Нью-Йорк от Республиканской партии. Выступил против «Нового курса» президента Ф.Д. Рузвельта, но активно поддерживал внешнеполитический курс администрации Трумэна. Трижды баллотировался на пост президента США, в том числе в 1944 и 1948 гг., был официальным кандидатом Республиканской партии на этот пост.

лялось политически невыносимым. Хилленкеттер остался на своем посту, оставив Управление фактически без эффективного руководства. Совет национальной безопасности приказал Хилленкеттеру осуществить меры, предлагаемые в докладе Даллеса, но он этого так и не сделал.

В беседе со своими друзьями в Вашингтоне Даллес не раз отмечал, что если ЦРУ не предпримет решительных мер, то за рубежом страну ждет катастрофа. К нему присоединился целый хор голосов. По словам Дина Ачесона, на тот момент уже госсекретаря, ЦРУ «поглотили неразбериха и негодование». Его осведомителем был Кермит «Ким» Рузвельт, внук президента Теодора Рузвельта, кузен Франклина Рузвельта и будущий руководитель ближневосточного и южноазиатского отделения ЦРУ. Советник Форрестала, Джон Оули, предупредил своего босса: *«Наибольшая слабость ЦРУ исходит от типа и качества его кадрового состава, а также методов, с помощью которых этот кадровый состав принимается на службу»*. Он отметил «полное падение нравов среди некоторых вполне компетентных гражданских лиц, которые хотели бы сделать карьеру в ЦРУ, и потерю многих способных личностей, которые попросту не смогли вынести создавшегося положения». Хуже того, «большинство способных людей, оставшихся в ведомстве, решило, что, если в течение последующих нескольких месяцев не произойдет существенных изменений, они определенно уйдут оттуда. Лишившись таких высококвалифицированных кадров, ведомство окажется в тяжелейшем положении, из которого ему будет крайне трудно – если вообще возможно – выбраться». Случись такое, ЦРУ навсегда превратилось бы в «заурядную разведслужбу». Эти донесения могли быть написаны и полстолетия спустя. Они точно описывали напасти ведомства через десять лет после падения советского коммунизма. Действительно, ряды квалифицированных американских шпионов сильно поредели, число талантливых иностранных агентов сократилось до ничтожных цифр.

Но возможности ЦРУ были не единственной проблемой. Холодная война выдвинула новых лидеров в системе национальной безопасности.

Джеймс Форрестол и Джордж Кеннан были создателями и руководителями тайных операций ЦРУ. Но они оказались неспособными управлять всей машиной, которую сами привели в движение. Разочаровавшийся Кеннан все чаще искал уединения в своем убежище в Библиотеке конгресса. 28 марта 1949 года Форрестол ушел в отставку с поста министра обороны. В последний день работы у него случился сильный нервный срыв; потеряв самообладание, он пожаловался, что месяцами не спал. Доктор Уильям К. Меннингер, наиболее видный психиатр в Соединенных Штатах, диагностировал у Форрестала серьезное психическое расстройство и передал его в отделение психиатрической опеки Национального военно-морского медицинского центра в Бетесде.

После пятидесяти тревожных ночей в заключительные часы своей жизни Форрестол цитировал греческую поэму «Аякс» и остановился на середине слова «Соловей». Он начал писать это слово, после чего насмерть разбился, выбросившись из окна шестнадцатого этажа...

Слово «Соловей» представляло собой кодовое наименование украинского отряда сопротивления, которому Форрестол поручил вести секретную войну против Сталина. Среди его лидеров были нацистские пособники, убившие во время Второй мировой войны тысячи людей.

Глава 5 «Богатый слепец»

Во Второй мировой войне Соединенные Штаты активно сотрудничали с коммунистами. В холодной войне ЦРУ использовало фашистов, чтобы бороться с коммунистами. Патриотические американцы предпринимали подобные миссии от имени Соединенных Штатов. *«Вы не можете управлять железными дорогами, – не совсем удачно выразился Аллен Даллес, – не привлекая к участию некоторых членов нацистской партии».*

В оккупированной американцами части Германии находилось более 2 миллионов человек, брошенных на произвол судьбы. *Многие из них были отчаявшимися беженцами из СССР, стремящимися спастись от расползающегося, словно спрут, коммунистического правления. Фрэнк Виснер направлял своих людей непосредственно в лагеря для перемещенных лиц, чтобы завербовать агентов для осуществления заданий, которые сам определил как «поддержку движения сопротивления в советском мире и обеспечение контактов с местным подпольем».* Он отмечал, что ЦРУ необходимо «использовать беженцев из советского мира в национальных интересах США».

Несмотря на возражения директора Центральной разведки, ему хотелось снабдить этих лиц оружием и деньгами. Советские изгнанники пользовались большим спросом в качестве *«резерва на случай чрезвычайной ситуации»*, как отмечается в одном из отчетов, хотя и были *«безнадежно разобщены, оказавшись в группах с противоположными целями, исповедуемой философией и этническим составом».*

Приказы Виснера дали начало полувоенной миссии ведомства – первой из многих, в которой тысячи иностранных агентов были фактически посланы на смерть.

«Чем меньше мы говорим об этом законе, тем лучше»

В начале 1949 года амбициозный Виснер столкнулся с огромным препятствием. Чтобы провести секретную операцию против любой страны, агентству не хватало юридических полномочий. У него не было конституционного устава, одобренного конгрессом, и никаких законных средств для осуществления упомянутых миссий. Оно все еще работало вне рамок законодательства Соединенных Штатов.

В начале февраля 1949 года директор Центральной разведки отправился на частную беседу с Карлом Винсоном, демократом от штата Джорджия и председателем Комитета по делам вооруженных сил. Хилленкеттер предупредил, что конгресс должен дать формальное «благословение» ЦРУ и как можно быстрее предоставить ей бюджет. Агентство было уже «по уши» в секретных операциях и отчаянно нуждалось в легальном прикрытии. Поделившись своими опасениями с другими членами палаты и сената, Хилленкеттер представил на рассмотрение закон о Центральном разведывательном управлении 1949 года. Тайное обсуждение длилось более получаса.

«Мы лишь сообщим палате, что им придется одобрить наше мнение и что мы не можем ответить на многие вопросы, которые можно было бы задать», – сообщил Винсон своим коллегам. Дьюи Шорт из Миссури, высокопоставленный республиканец в Комитете по делам вооруженных сил, согласился, что было бы «в высшей степени безумием» обсуждать закон публично: *«Чем меньше мы говорим об этом законе, тем лучше».*

Закон о ЦРУ протащили через конгресс 27 мая 1949 года. С его принятием конгресс предоставил Управлению самые широкие полномочия, которые только можно себе вообразить. Спустя поколение стало модным обвинять американских шпионов в преступлениях против Конституции. Но за эти двадцать пять лет между принятием закона о ЦРУ и пробуждением

сторожевого духа у конгресса ведомству запрещалось выступать в качестве тайной полиции лишь внутри самих Соединенных Штатов. Закон дал агентству возможность делать почти все, что ему вздумается, и на это сам же конгресс ежегодно выделял огромные средства. Одобрение секретного бюджета небольшой подкомиссией вооруженных сил, по мнению тех, кто был посвящен в курс дела, представляло собой фактическую легализацию всех тайных операций. Один из конгрессменов, проголосовавших за, подвел итог этого молчаливого понимания много лет спустя, когда стал президентом Соединенных Штатов. «Если это секретно, то, значит, законно», – заявил Ричард М. Никсон.

У ЦРУ теперь была свобода действий: неотслеженные денежные средства под ложными пунктами в бюджете Пентагона фактически означали неограниченные полномочия.

Ключевой пункт закона 1949 года дал ЦРУ возможность, руководствуясь «интересами национальной безопасности», ежегодно впускать в Соединенные Штаты до ста иностранцев, предоставляя им «постоянное место жительства, невзирая на невозможность их въезда в страну согласно иммиграционным или любым другим законам». В тот же самый день, когда президент Трумэн подписал закон о ЦРУ 1949 года, генерал Уиллард Г. Уайман, руководивший Управлением специальных операций, заявил американским представителям иммиграционных властей, что украинец по имени *Микола Лебедь* «оказывает ценную помощь этому агентству в Европе». Согласно недавно одобренному закону, ЦРУ переправило Лебеда в Соединенные Штаты.

В собственных досье ЦРУ украинская фракция во главе с Лебедем описывалась как «террористическая организация». Сам Лебедь был осужден за убийство польского министра внутренних дел в 1936 году. Из мест заключения он бежал три года спустя, когда Германия напала на Польшу. В нацистах он видел своих естественных союзников. Из его сподвижников немцы сформировали два батальона, включая и батальон под названием «Соловей», который сражался в Карпатах и сохранился до конца войны. Мысли о нем не давали покоя министру обороны Форрестолу. Лебедь выставил себя в качестве самозваного министра иностранных дел в Мюнхене и предложил ЦРУ помощь украинских партизан для участия в подрывной деятельности против Москвы.

Согласно определению министерства юстиции, это был военный преступник, который убивал украинцев, поляков и евреев. Но все попытки депортировать его обратно в СССР прекратились после того, как Аллен Даллес самолично написал федеральному иммиграционному комиссару, заявив, что *Лебедь представляет «неоценимую важность для агентства» и активно помогает в «операциях первостепенной важности».*

ЦРУ «имело на вооружении ряд методов по сбору разведанных на территории Советского Союза и должно было использовать любую удобную возможность, невзирая на невысокую вероятность успеха и ненадежность агентуры», – записано в отчетах об украинских операциях. «Едва ли не единственной альтернативой были группы эмигрантов, в том числе и лица с весьма сомнительным прошлым». Поэтому «порой зверский послужной список многих членов эмигрантских групп становился более расплывчатым, по мере того как они приобретали все большую важность для ЦРУ». К 1949 году Соединенные Штаты были готовы работать против Сталина едва ли не с любым мерзавцем. В этом смысле Лебедь идеально подошел на эту роль.

«Мы не хотели этого касаться»

Именно так и поступил *генерал Рейнхард Гелен*.

Во время Второй мировой войны генерал Гелен, как один из лидеров абвера – гитлеровской военной разведывательной службы, – пытался шпионить за Советами на Восточном

фронте. Это был властный и осторожный человек, который утверждал, что у него обширная агентура из «хороших немцев», готовых шпионить для Соединенных Штатов.

«С самого начала, – говорил Гелен, – я был вдохновлен следующим убеждением: решающее сражение между Востоком и Западом неизбежно. Каждый немец так или иначе обязан внести свой вклад ради выполнения тех задач, которые стоят перед Германией в рамках общей защиты западной христианской цивилизации». Соединенным Штатам в Германии нужны «лучшие из лучших... в качестве надежных сотрудников... поскольку необходимо обеспечить безопасность западной культуры». Разведывательная агентура, которую он предложил американцам, представляла собой группу «выдающихся немецких подданных, которые сами по себе не только добропорядочные немцы, но также идеологически полностью на стороне западных демократий».

Армия, неспособная управлять организацией Гелена, несмотря на щедрое финансирование ее операций, неоднократно пыталась передать эту функцию ЦРУ. Многие офицеры Ричарда Хелмса были решительно против. Один из них открыто выразил отвращение работать с агентурой из СС. Другой предупредил, что *«американская разведка – это просто богатый слепец, который использует немецкий абвер в качестве поводья. Единственная неприятность заключается в том, что поводок чересчур длинноват»*. Сам Хелмс выражал обоснованные опасения по поводу того, что *«русские, вне всяких сомнений, догадываются об этой операции»*.

«Мы не хотели этого касаться, – сказал Питер Зихель, в то время руководитель немецких операций при штаб-квартире ЦРУ. – Это не имело никакого отношения к нравственности или этике, а было связано лишь с безопасностью».

Но в июле 1949 года, в результате неослабевающего прессинга со стороны военных, ЦРУ все-таки взяло под свой контроль группу Гелена. Разместившись в бывшем штабе нацистов под Мюнхеном, Гелен принял в свой круг множество известных военных преступников.

Как и опасались Хелмс и Зихель, восточногерманские и советские разведывательные службы просочились в группу Гелена на самом высоком уровне. «Крот» обнаружился лишь после того, как группа Гелена превратилась в национальную разведывательную службу Западной Германии. Оказалось, что многолетний руководитель геленовской контрразведки все это время работал на Москву.

По сообщению Стива Таннера, молодого офицера ЦРУ, работавшего в Мюнхене, Гелен убедил американских разведчиков, что способен выполнять задачи в глубоком тылу у Советов. *«И, учитывая, как трудно это было для нас, – вспоминал Таннер, – надо было оказаться полным идиотом, чтобы не попробовать»*.

«Мы не собирались сидеть сложа руки»

Выпускник Йельского университета, Таннер был ветераном разведки сухопутных войск. Ричард Хелмс взял его к себе в 1947 году, и он стал одним из первых двухсот офицеров, принятых на службу ЦРУ. В Мюнхене его задачей была вербовка агентов для сбора разведывательных данных для Соединенных Штатов с территорий по ту сторону железного занавеса.

Почти у каждой из главных национальностей Советского Союза и Восточной Европы имелась по крайней мере одна эмигрантская группа, которая обращалась за помощью в отделения ЦРУ в Мюнхене и во Франкфурте-на-Майне. Часть лиц, которых Таннер уже проверил на пригодность к шпионской деятельности, являлись жителями Восточной Европы, которые вместе с Германией выступали против России. Сюда входили «люди с нацистским прошлым, которые пытались спасти свои карьеры, оказывая услуги американцам», – говорил Таннер, и они вызывали у него опасения. Одни «яростно ненавидели русских и автоматически были на нашей стороне». Другие, бежавшие из отдаленных республик Советского Союза, явно преуве-

личивали собственные возможности и влияние. «Главная цель этих эмигрантских групп состояла в том, чтобы убедить американское правительство в их значимости и способности помочь нам, с тем чтобы получить поддержку в той или иной форме», – сказал Таннер.

Испытывая недостаток в руководящих директивах из Вашингтона, Таннер составил свои собственные: чтобы получить поддержку ЦРУ, упомянутые эмигрантские группы должны быть сформированы у себя на родине, а не в мюнхенском кафе. У них должен был быть контакт с местными антисоветскими группами. Они не должны быть скомпрометированы тесным сотрудничеством с нацистами. В декабре 1948 года, после длительных и осторожных оценок, Таннер решил, что наконец отыскал группу украинцев, которые заслуживают поддержки ЦРУ. Группа называла себя Верховным советом по освобождению Украины. Члены Совета, проживающие в Мюнхене, являлись политическими представителями бойцов на родине. Таннер сообщил в штаб-квартиру, что упомянутый Верховный совет является нравственно и политически вполне устойчивым.

Весну и лето 1949 года Таннер провел в подготовке к заброске украинцев за железный занавес. Несколько месяцев спустя эти люди вернулись из Прикарпатья с донесениями от украинского подполья, написанными на тонких листках бумаги, скомканных и сшитых вместе. Эти многочисленные записки свидетельствовали о крепнущем движении сопротивления, представители которого могли предоставить ценную информацию о событиях на Украине и предупредить советское нападение на Западную Европу. В штаб-квартире ЦРУ на этот проект возлагали еще более высокие надежды. Руководство ЦРУ полагало, что «существование такого движения может иметь важное значение в ходе возможного открытого военного конфликта между Соединенными Штатами и СССР».

Несколькими месяцами ранее Таннер завербовал отважный венгерский экипаж, который угнал коммерческий авиалайнер и посадил его в Мюнхене. 26 июля генерал Уаймен, руководитель специальных операций ЦРУ, формально одобрил вышеупомянутую миссию. Таннер руководил обучением агентов азбуке Морзе и основам подрывной деятельности, планируя вскоре забросить двоих на их родину, чтобы ЦРУ могло активнее контактировать с местными партизанами. Но в Мюнхене у ЦРУ не было сотрудников с опытом заброски агентов с воздуха в тыл противника. В конце концов Таннеру удалось кое-кого отыскать. «Один сербо-американский коллега, заброшенный на территорию Югославии во время Второй мировой войны, учил моих парней прыгать и приземляться. Это было просто безумие! Как можно совершить прыжок кувырком вместе карабином на боку?» Но именно такие операции и прославили в свое время УСС.

Таннер предостерегал бойцов против слишком больших ожиданий. «Мы поняли, что в лесах Западной Украины вряд ли можно выведать то, что в данный момент на уме Сталина, или разгадать какие-то крупные политические задачи, – говорил он. – Но, по крайней мере, эти люди могли раздобыть документы, какие-нибудь вещи, одежду, обувь». Чтобы создать реальную агентурную сеть в Советском Союзе, ЦРУ должно было бы обеспечить своих шпионов всеми элементами маскировки – ежедневными атрибутами советской жизни. Даже если эти операции и не приносили сколько-нибудь значимой разведывательной информации, говорил Таннер, они имели большое символическое значение: «Они показывали Сталину, что мы не собираемся сидеть сложа руки. И это было важно, потому что до сих пор мы палец о палец не ударили».

5 сентября 1949 года люди Таннера вылетели на самолете С-47, которым управляли венгры, угнавшие его ранее в Мюнхен. Глубокой ночью украинцы покинули самолет и успешно приземлились с парашютами в окрестностях Львова. Так американская разведка впервые проникла на территорию СССР.

В архивах ЦРУ, рассекреченных в 2005 году, приводится краткое резюме последующих событий: «Советы быстро уничтожили заброшенных агентов»...

«Что мы сделали неправильно?»

Тем не менее эта операция вызвала огромную волну энтузиазма в штаб-квартире ЦРУ. Виснер начал составлять планы по дополнительной вербовке диссидентов, формированию поддерживаемых американцами сил сопротивления с целью раннего выявления советской военной угрозы. ЦРУ направило десятки украинских агентов воздушным путем и по суше. Почти все они были захвачены. Советские разведчики использовали их для распространения дезинформации: дескать, все хорошо, высылайте больше оружия, денег, людей. Потом они всех уничтожили. После пяти лет подобных «неудачных миссий», отмечается в истории ведомства, «ЦРУ прекратило действовать такими методами... В конечном счете попытки агентства проникнуть через железный занавес с использованием украинских агентов оказались неудачными и трагичными».

Но Виснер был непоколебим. Он приступил к организации новых военизированных авантюр по всей Европе.

В октябре 1949 года, спустя четыре недели после первой высадки шпионского десанта на территории Украины, Виснер начал сотрудничать с англичанами, чтобы совместно руководить мятежниками в коммунистической Албании, беднейшем и наиболее изолированном государстве в Европе. Здесь, на этом балканском клочке, он видел плодородную почву для деятельности армии сопротивления, сформированной из изгнанных роялистов и разношерстных лоялистов, осевших в Риме и Афинах. На корабле, отплывшем с Мальты, находилось девять албанцев из первой диверсионной миссии. Вскоре после высадки трое были немедленно убиты, а тайная полиция принялась за розыск остальных.

У Виснера не было ни времени, ни желания для анализа этого провала. Он направил дополнительное количество албанских рекрутов в Мюнхен для парашютной подготовки, затем передал их в распоряжение афинской резидентуры, у которой имелись собственный аэропорт, парк самолетов и несколько опытных польских летчиков.

Потом их забросили в Албанию, где они попали прямо в руки тайной полиции. С каждой неудавшейся миссией планы становились все более безумными, обучение диверсантов – все более поверхностным; албанцы попадались все более отчаянные, а их захват становился еще более скоротечным и бесспорным. Выжившие агенты попадали в плен, их донесения в адрес афинского отделения составлялись под диктовку и тщательно контролировались противником.

«Что мы сделали неправильно?» – задавался вопросом Джон Лаймонд Харт, который руководил подготовкой албанцев в Риме. Прошло много лет, прежде чем в ЦРУ поняли, что Советы с самого начала знали все детали операции. Их шпионы проникли в тренировочные лагеря в Германии. В общинах албанских изгнанников в Риме, Афинах и Лондоне оказалось немало предателей. А Джеймс Дж. Энглтон, представитель штаб-квартиры, ответственный за безопасность секретных операций, специалист по двойным агентам, координировал проведение операции со своим лучшим другом в британской разведке: советским шпионом Кимом Филби!

Филби работал на Москву из безопасной комнаты в Пентагоне, смежной с Объединенным комитетом начальников штабов. Его дружба с Энглтоном была скреплена холодным «поцелуем» джина и теплыми «объятиями» виски. Любитель выпить, Энглтон явно претендовал на чемпионство в ЦРУ среди алкоголиков, и этот «титул» был завоеван в условиях весьма жесткой конкуренции. Больше года, во время многочисленных обедов, разбавленных изрядной долей спиртного, Энглтон предоставлял Филби точные координаты зон высадки десанта для каждого из направленных в Албанию агентов ЦРУ. Несмотря на бесчисленные неудачи и гибель агентов, заброска диверсантов продолжалась в течение четырех лет. Погибло около

двухсот иностранных агентов ЦРУ. В американском правительстве об этом почти никто не знал. Операции проводили в обстановке строжайшей секретности.

Потом, когда с этим было покончено, Энглтон получил повышение и был назначен на должность руководителя контрразведки. Этот пост он удерживал в течение двадцати лет. Вечно нетрезвый и мрачный после обеда, Энглтон выносил решение по каждой операции и каждому офицеру, которого ЦРУ нацеливало против Советов. Он стал считать, что американским восприятием мира управляет некий советский заговор и что он, и только он один постиг глубину этого обмана.

«В корне неудачная идея»

В начале 1950 года Виснер санкционировал новую атаку на железный занавес. Работа перешла под контроль другого выпускника Йельского университета, Билла Коффина, новичка с особым антикоммунистическим рвением пылкого социалиста.

«Цели не всегда оправдывают средства, – так выразился Коффин по поводу своих лет, проведенных в ЦРУ. – Но именно они (цели) – единственная вещь, которая может это сделать».

Коффин поступил в ЦРУ благодаря семейным связям, его принял шурин, Фрэнк Линдсей, занимавшийся у Виснера операциями в Восточной Европе. «Когда я пришел в ЦРУ, то сказал, что хочу выполнять не шпионскую работу, а заниматься подпольной политической работой, – вспоминал он в 2005 году. – Вопрос состоял в следующем: могут ли русские работать в подполье? В то время это представлялось вполне приемлемым». Последние два года Второй мировой войны Коффин провел в качестве посредника армии США с советским командованием. Он стал участником бессердечного послевоенного процесса, в котором были насильственно репатриированы советские солдаты, ранее попавшие в плен к нацистам. В душе у него сохранилось глубокое чувство вины, которое повлияло на решение работать в ЦРУ.

«Я наблюдал, как Сталин может иногда заставить Гитлера походить на бойскаута, – вспоминал Коффин. – Сам я был ярким антисоветчиком, хотя во мне было много русского».

Виснер сделал ставку на солидаристов, российскую группу, которая занимала наиболее правые позиции (насколько этого было возможно в постгитлеровской Европе). С ними могла работать лишь горстка офицеров ЦРУ, в той или иной степени владевших, как и Билл Коффин, русским языком. Сначала ЦРУ и солидаристы забрасывали листовки в советские казармы в Восточной Германии. Потом запустили воздушные шары с тысячами пропагандистских брошюр. После этого они направили несколько парашютных групп по четыре человека в самолетах без опознавательных знаков, которые смогли долететь до предместий Москвы. Один за другим агенты-солидаристы забрасывались в Россию; один за другим их выслеживали, хватали и расстреливали. ЦРУ еще раз передало своих агентов прямо в руки русских спецслужб.

«Это была в корне неудачная идея, – заявил Коффин после того, как он оставил ЦРУ и обрел известность как преподобный Уильям Слоун Коффин, капеллан Йельского университета и один из наиболее страстных антивоенных голосов в Америке на протяжении 1960-х годов. – Мы весьма наивно представляли себе ситуацию».

Прошло почти десять лет, прежде чем в ЦРУ признали, что *«помощь, оказываемая эмигрантам с целью разжигания войны или революции в СССР, была нереальной».*

В общей сложности в 1950-х годах сотни иностранных агентов ЦРУ были отправлены на смерть в России, Польше, Румынии, на Украине и в балтийских республиках. Их судьбы остались неизвестны; не сохранилось никаких отчетов, и никто не понес наказаний за агентурные провалы. Эти миссии расценивались как вклад в дело национального выживания для Соединенных Штатов. Всего за несколько часов до того, как люди Таннера отправились в свой первый полет в сентябре 1949 года, экипаж самолета ВВС, летевшего с Аляски, обнаружил в атмосфере следы радиоактивности.

20 сентября, в то время как анализировались результаты, *ЦРУ уверенно заявило, что Советский Союз не сможет произвести атомное оружие еще по меньшей мере четыре года.*

А три дня спустя Трумэн сообщил миру, что у Сталина есть атомная бомба...

29 сентября руководитель научно-технической разведки ЦРУ сообщил, что его ведомство не способно выполнять свои задачи. Оно не смогло вовремя отследить разработки Москвой оружия массового поражения. Работа ведомства, связанная с советским атомным оружием, являет собой «почти полный провал» на каждом уровне, сообщил он; у его шпионов не было никаких научно-технических данных по советской бомбе, и его аналитики использовали лишь приблизительные оценки. Он предупредил, что в результате такого провала Соединенные Штаты стоят перед лицом «катастрофических последствий».

Пентагон отчаянно потребовал, чтобы ЦРУ разместило своих агентов в Москве с целью перехвата военных планов Красной армии. «В то время, – вспоминал Ричард Хелмс, – возможность вербовки и управления любым из таких источников информации представлялась столь же невероятной, как и размещение шпионов-резидентов на Марсе».

Потом, без предупреждения, 25 июля 1950 года Соединенные Штаты столкнулись с внезапным нападением, которое выглядело очень похожим на начало третьей мировой войны.

Глава 6

«Эти операции были обречены на провал»

Корейская война явилась первым большим испытанием для ЦРУ. Она же дала ведомству первого реального лидера; им стал генерал Уолтер Беделл Смит. Еще до того, как разразилась война, президент Трумэн обратился к нему с просьбой возглавить и тем самым спасти ЦРУ. Но после работы в качестве американского посла в Москве генерал вернулся на родину с язвой, от которой едва не умер. Когда поступили первые новости о корейском вторжении, Беделл Смит находился в Центральном армейском госпитале Уолтера Рида¹¹, где у него удалили две трети желудка. Трумэн настойчиво упрасивал, но Смит попросил подождать еще месяц, поскольку не был уверен, что вообще выживет. Когда все разрешилось к лучшему, просьба президента превратилась в приказ и таким образом Уолтер Беделл Смит стал за последние четыре года четвертым директором Центральной разведки.

Задача генерала состояла в том, чтобы выведывать и тщательно исследовать тайны Кремля, и он хорошо представлял свои возможности. «Есть только двое, которые, насколько мне известно, могли бы справиться с этой задачей, – сказал он пяти сенаторам, которые утвердили его в должности на слушаниях 24 августа, где у него на погонах красовалась недавно приобретенная четвертая звезда – награда от президента. – *Один из них – Бог, а другой – Сталин. Я не поручусь, что это сможет сделать Бог, потому что неизвестно, достаточно ли он близок с «дядей Джо»*¹², чтобы знать, о чем тот говорит». Что касается работы в ЦРУ, он заявил: «*Я ожидаю худшего и уверен, что не буду разочарован*». После своего вступления на этот пост в октябре Беделл Смит обнаружил, что унаследовал, прежде всего, жуткую неразбериху. «*Забавное зрелище, – задумчиво проговорил он, оглядывая за столом своих подчиненных во время первого штабного совещания. – Еще забавнее будет посмотреть, сколько вас здесь останется через несколько месяцев*».

Беделл Смит был ярким авторитаристом, невероятно язвительным и нетерпимым к неудачам и провалам. Размахистские операции Виснера вызывали у него едва скрытую ярость. «*Вот место, где потрачены все деньги*», сказал он, и «остальная часть агентства подозревала это». В свою первую неделю на новом посту он обнаружил, что Виснер подчиняется Государственному департаменту и Пентагону, а не директору Центральной разведки. В порыве ярости Беделл Смит проинформировал руководителя тайных операций, что его флибустьерские дни закончены.

«Невыполнимая задача»

Чтобы угодить президенту, генерал попытался спасти аналитическую часть ведомства, которую называл «*сердцем и душой ЦРУ*». Он тщательно пересмотрел процедуры составления разведывательных сводок и в конечном счете убедил Шермана Кента, улетевшего в Вашингтон в первые мрачные дни существования Группы Центральной разведки, сформировать систему национальных оценок, соединив воедино наилучшую доступную информацию в правительстве. Кент назвал эту работу «*невыполнимой задачей*».

Спустя несколько дней после того, как Беделл Смит вступил в новую должность, Трумэн готовился к встрече с генералом Дугласом Макартуром на атолле Уэйк в Тихом океане. Президенту хотелось, чтобы ЦРУ обеспечило превосходную разведку в Корее. Прежде всего ему

¹¹ Центральный армейский госпиталь Уолтера Рида находится в Вашингтоне. Назван в честь американского хирурга, прославившегося борьбой с желтой лихорадкой.

¹² Дядя Джо – прозвище И.В. Сталина.

хотелось знать, вступит ли в войну коммунистический Китай. Макартур, который вел свои войска в глубь территории Северной Кореи, настаивал на том, что Китай ни за что не нападет.

ЦРУ почти ничего не знало о том, что происходит в Китае. В октябре 1949 года – к тому времени, когда Мао Цзэдун вытеснил из страны националистические силы Чан Кайши и объявил о создании Китайской Народной Республики, – все его противники, кроме горстки американских шпионов, сбежали в Гонконг или на Тайвань. Помимо Мао, немалый вред ЦРУ нанес и Дуглас Макартур, который ненавидел ведомство и приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать работе его офицеров. Хотя ЦРУ отчаянно стремилось проводить качественную работу в Китае, иностранная агентура, которую оно унаследовало от УСС, была слишком слабой. То же самое касалось аналитики и донесений. *Четыре сотни аналитиков ЦРУ* работали над составлением ежедневных разведывательных сводок для президента Трумэна в начале корейской войны, но 90 процентов их донесений представляли собой переписанные сводки Государственного департамента; остальное – малозначимые комментарии.

Союзниками ЦРУ в этой войне были разведывательные службы двух коррумпированных и ненадежных лидеров: президента Южной Кореи Ли Сын Мана (в американской транслитерации – Сингмана Ри) и китайского националистического лидера Чан Кайши. Наиболее сильное впечатление, которое офицеры ЦРУ испытали сразу после прибытия в столицы упомянутых режимов – Сеул и Тайбэй, – произвело зловоние, исходящее от человеческих экскрементов, применявшихся для удобрения близлежащих полей.

Достоверных сведений не хватало так же, как электричества и проточной воды. *К сотрудникам ЦРУ подмазались множество мнимых друзей, которые ими ловко манипулировали*; фактически ведомство оказалось в сетях обмана со стороны коммунистических противников и во власти голодных до денег отщепенцев, поставлявших сфабрикованные сведения. Фред Шульцхайс, резидент в Гонконге в 1950 году, провел последующие шесть лет, сортируя тот хлам, который китайские беженцы продавали агентству во время корейской войны.

Единственным достоверным источником разведсведений на Дальнем Востоке с заключительных дней Второй мировой войны и до конца 1949 года были волшебники американской радиотехнической разведки. Они были в состоянии перехватить и расшифровать коммунистические телеграммы и коммюнике, курсирующие между Москвой и Дальним Востоком. Потом, когда северокорейский лидер Ким Ир Сен начал консультации со Сталиным и Мао по поводу своего намерения напасть на Юг, наступила тишина. Способность Америки перехватывать советские, китайские и северокорейские военные планы внезапно была утрачена.

Накануне корейской войны советский шпион проник в мозговой центр дешифровальщиков Арлингтон-Холл, переоборудованное здание школы, в нескольких шагах от Пентагона. Это был Уильям Волф Вейсбанд, лингвист, который переводил обрывки донесений с русского языка на английский. Вейсбанд, завербованный Москвой еще в 1930-х годах, единолично разрушил способность Соединенных Штатов прочитать советские секретные депеши. Беделл Смит признал, что с американской радиотехнической разведкой произошло нечто ужасное, и объявил тревогу в Белом доме. Результатом стало создание Агентства национальной безопасности, службы радиотехнической разведки, которая была призвана активно конкурировать с ЦРУ. Полстолетия спустя Агентство национальной безопасности назвало случай с Вейсбандом *«возможно, наиболее значительным провалом разведки в американской истории»*.

«Никаких убедительных признаков»

11 октября 1950 года президент отбыл на атолл Уэйк. ЦРУ уверило его, что не видит *«никаких убедительных признаков фактического намерения китайских коммунистов организовать полномасштабное вторжение в Корею...»*. Агентство выработало такое мнение, несмотря на два тревожных сигнала, поступившие из резидентуры в Токио, где работало три

человека. Сначала резидент Джордж Орелл сообщил о донесении китайского офицера Националистической армии в Маньчжурии, который предупреждал, что Мао сосредоточил около корейской границы 300 тысяч солдат. Штаб почти не обратил на это внимания. Потом Билл Дагган, позднее – руководитель резидентуры ЦРУ на Тайване, утверждал, что киткомовцы вот-вот пересекут границу Северной Кореи. Генерал Макартур в ответ пригрозил ему арестом. Атолла Уэйк эти предупреждения так и не достигли.

В штаб-квартире ЦРУ по-прежнему информировали Трумэна о том, что Китай не вступит в войну. 18 октября, по мере того как войска Макартура продвигались на север, по направлению к реке Ялуцзян и китайской границе, ЦРУ сообщило, что «советско-корейское предприятие закончилось провалом». 20 октября ЦРУ сообщило, что китайские силы, обнаруженные у Ялуцзяна, были предназначены для защиты гидроэлектростанций. 28 октября оно известило Белый дом, что эти китайские войска состоят из разношерстных добровольцев. 30 октября, после нападения на позиции американских войск, приведшего к большим потерям, ЦРУ вновь подтвердило, что вторжение основных китайских сил маловероятно. Несколько дней спустя владеющий китайским языком офицер ЦРУ допросил нескольких военнопленных, взятых во время боевого столкновения, и решил, что это солдаты Мао. И все же штаб ЦРУ снова утверждал, что Китай не рискнет вторгаться в Корею. Два дня спустя китайские войска численностью 300 тысяч человек ударили с такой силой, что едва не опрокинули американцев прямо в море.

Беделл Смит был ошеломлен. Он полагал, что задача ЦРУ состоит в том, чтобы оградить нацию от внезапного военного нападения. Но получается, что агентство неправильно истолковало каждый глобальный кризис прошлого года: советскую атомную бомбу, корейскую войну, китайское вторжение. В декабре 1950 года, когда президент Трумэн объявил чрезвычайное положение в стране и вызвал генерала Эйзенхауэра на действительную службу, Беделл Смит развязал собственную войну, чтобы превратить ЦРУ в профессиональную разведывательную службу. Сначала ему требовалось отыскать того, кто сможет контролировать Фрэнка Виснера.

«Очевидная опасность»

Одно его имя говорило само за себя.

4 января 1951 года Беделл Смит примирился с неизбежным и назначил Аллена Даллеса заместителем директора ЦРУ по планированию (это название было ширмой; на самом деле Даллес стал шефом тайных операций). Довольно быстро выяснилось, что эти двое плохо ладят друг с другом. По наблюдениям Тома Полгара, «Беделлу Даллес определенно не по душе, и нетрудно заметить почему... Армейский офицер получает приказ и выполняет его. Юрист же ищет всякого рода лазейки. Так уж сложилось, что в ЦРУ приказ – это исходный пункт для последующего обсуждения».

С начала корейской войны операции Виснера расширились впятеро. Беделл Смит понимал, что у Соединенных Штатов нет никакой стратегии для ведения такого рода борьбы. Он обратился к президенту Трумэну и в Совет национальной безопасности. Неужели предполагалось, что ЦРУ должно поддержать вооруженные революции в Восточной Европе? В Китае? В России? Пентагон и Государственный департамент ответили: да, все вышеперечисленное, и не только. Директор спросил: «Как?» Виснер ежемесячно вербовал сотни выпускников колледжей, натаскивал их в течение нескольких недель в тренировочных лагерях, отправлял на полгода за границу, сменял на других, еще более «сырых» и неопытных новичков. Он пытался построить международную военную машину без какого-либо намека на профессиональную выучку, материальное обеспечение или надежные коммуникации.

Беделл Смит сидел за своим столом, закусывая крекерами протертую кашу, показанную после операции на желудке. В душе он испытывал гнев и отчаяние.

Его помощник, заместитель директора Центральной разведки Билл Джексон, подал в отставку, разочарованно заявив, что в операциях ЦРУ царит *невероятный хаос*. У Беделла Смита не осталось иного выбора, кроме как выдвинуть Даллеса на должность своего заместителя, а Виснера – на пост руководителя секретных операций. Когда он увидел предложенный ими первый бюджет ЦРУ, то не смог сдержаться. *Бюджет составлял 587 миллионов долларов*, то есть с 1948 года он вырос в 11 раз! Более 400 миллионов долларов выделялось для секретных операций Виснера, что в 3 раза превышало затраты на шпионаж и аналитику, вместе взятые.

Это создавало *«очевидную опасность для ЦРУ как для спецслужбы»*, кипятился Беделл Смит. «То есть получается, что оперативная составляющая будет преобладать над разведывательной, – предупредил он. – Руководители будут вынуждены тратить все свое время на операции и волей-неволей пренебрегать разведкой». Именно тогда генерал начал подозревать, что Даллес и Виснер что-то от него скрывают. Как отмечено в документах, рассекреченных после 2002 года, на своих ежедневных совещаниях с заместителями директора ЦРУ и личным составом он постоянно спрашивал их о том, что происходит за границей. Но на свои прямые вопросы Беделл Смит получал необъяснимо неопределенные ответы – либо не получал вообще. Он предупреждал их не «воздерживаться» и не «ретушировать неудачные инциденты или серьезные ошибки». Он приказал вести детальный учет своих полувоенных операций и дать кодовые имена, описания, цели, затраты. Но они так и не подчинились. «В раздражении он выплескивал на них больше гнева, чем на кого-либо еще», – писал его личный представитель в штабе Совета национальной безопасности, Ладуэлл Ли Монтегю. Вообще, Беделл Смит не слишком боялся. Но он был разозлен и напуган мыслью о том, что Даллес и Виснер подводят ЦРУ к «непродуманной и пагубной аванюре, – написал Монтегю. – «Он опасался, что какая-нибудь грубая осечка за границей может выплыть наружу и стать достоянием общественности».

«МЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЛИ О ТОМ, ЧТО ДЕЛАЕМ»

В рассекреченных архивах ЦРУ, относящихся к периоду корейской войны, есть намеки на то, чего все-таки опасался Беделл Смит.

Там пишется, что военизированные операции были «не только неэффективны, но, по-видимому, достойны всяческого осуждения за понесенные потери». Во время войны в Северную Корею были заброшены тысячи завербованных корейских и китайских агентов, но обратно не вернулся никто. «Количество израсходованного времени и средств было абсолютно несопоставимо с результатами», – заключает автор. Ничего не удалось достичь «значительными вложенными суммами и многочисленными принесенными в жертву корейцами». Впоследствии погибли еще сотни китайских агентов после того, как были заброшены в тыл противника во время наспех подготовленных наземных, воздушных и морских операций.

«Большинство этих миссий проводилось не ради разведки. Их затевали для пополнения несуществующих либо фиктивных групп сопротивления, – заявил Питер Зихель, ставший свидетелем ряда провалов после того, как стал резидентом ЦРУ в Гонконге. – *Эти миссии были обречены на провал*. Они были губительными и безответственными». Так продолжалось вплоть до 1960-х годов, и за это время целые легионы агентов были посланы на смерть.

В первые дни войны Виснер отправил тысячу офицеров в Корею и триста – на Тайвань, приказав проникнуть внутрь крепости Мао и военной диктатуры Ким Ир Сена. Эти люди были брошены в бой, хотя имели крайне слабую подготовку. Среди них был Дональд Грегг, выпускник колледжа Уильямса. Его первой мыслью было: «А где, черт возьми, эта Корея?» После прохождения интенсивного курса военизированных операций он был направлен на новый форпост ЦРУ в центральной части Тихого океана. Виснер организовал базу тайных операций на острове Сайпан, что обошлось в 28 миллионов долларов. Остров, все еще усеянный костями тысяч погибших во Второй мировой войне, стал тренировочным лагерем для военизирован-

ных миссий ЦРУ в Корею, Китай, на Тибет и во Вьетнам. Грегг набрал из лагерей беженцев крепких корейских парней, храбрых, но недисциплинированных и не знавших, естественно, ни слова по-английски. Из них он попытался в кратчайший срок сделать агентов американской разведки. ЦРУ проводило с их участием наспех состряпанные операции, которые лишь увеличивали и без того длинный список погибших. Все это надолго запечатлелось в памяти Грегга, когда он поднимался по служебной лестнице в Дальневосточном отделении ЦРУ, став впоследствии резидентом в Сеуле, потом американским послом в Южной Корее и, наконец, главным советником по вопросам национальной безопасности у вице-президента Джорджа Н. Буша.

«Мы шли по следам УСС, – вспоминал Грегг. – Но у тех, против кого мы выступали, был полный контроль над ситуацией. Мы же понятия не имели о том, что делаем. Я спрашивал у своих начальников, в чем состоит наша задача, и они не могли мне ответить. Они просто не знали. Какое-то хулиганство, причем в худшем виде! Мы обучали корейцев и китайцев и еще массу других странных и чуждых нам людей. Мы забрасывали корейцев в Северную Корею, а китайцев – в Китай, к северу от корейской границы, но они пропадали, а мы так и не получили от них никаких известий».

«В Европе наши дела шли из рук вон плохо, – сказал он. – В Азии – тоже неважно. Вообще, надо признать, что в самом начале результаты были просто ужасными. Вот такая получалась картина: солидная репутация и ужасные результаты».

«ЦРУ вводили в заблуждение»

Беделл Смит неоднократно предупреждал Виснера отслеживать дезинформацию противника. Но некоторые подчиненные Виснера сами фабриковали ложные разведданные, в том числе резидент и оперативный руководитель, которых он направил в Корею.

В феврале, марте и апреле 1951 года на острове Йондо, в гавани Пусана, было собрано более 1200 северокорейских изгнанников под командованием Ганса Тофте, ветерана УСС, обладавшего куда большими способностями сбивать с толку собственных начальников, нежели противника. Тофте сформировал три бригады: «Белые тигры», «Желтый дракон» и «Синий дракон», в состав которых вошли сорок четыре партизанские группы. Их задача была тройкой: сбор лазутчиками информации в тылу противника, диверсионно-подрывная деятельность, а также поиски и спасение сбитых американских пилотов.

Бригада «Белый тигр» высадилась в Северной Корее в конце апреля 1951 года, имея в составе 104 человека, к которым впоследствии присоединилось еще 36 агентов, которых переправили по воздуху. Прежде чем покинуть Корею четыре месяца спустя, Тофте отправил в штаб хвалебные донесения, расписывая в них свои достижения. Но к ноябрю большинство «Белых тигров» было убито, схвачено или пропало без вести. Аналогичная участь постигла бригаду «Синих драконов» и «Желтых драконов». Те немногие из лазутчиков, которым удалось выжить, попали в плен и вынуждены были под страхом смерти дезинформировать своих американских боссов, посылая им фальшивые радиogramмы. Из диверсантов живым не смог выбраться никто. Большая часть спасательно-поисковых групп также была уничтожена или пропала без вести.

Весной и летом 1952 года сотрудники Виснера забросили в Северную Корею более 1500 агентов. Они передали множество подробных радиодонесений по поводу перемещений северокорейских и китайских войск. Эти сводки получил резидент ЦРУ в Сеуле Альберт Р. Хейни, весьма словоохотливый и честолюбивый армейский полковник, который открыто заявлял, что у него в разведывательных операциях и партизанских группах задействованы тысячи агентов. Хейни говорил, что лично следит за вербовкой и обучением сотен корейцев. Некоторые же из приятелей-американцев считали Хейни «опасным болваном». Уильям Томас-младший, специ-

алист по политическому шпионажу в Сеуле, подозревал, что местный резидент ЦРУ набрал агентов, которыми *«на самом деле руководит кто-то другой»*.

Такое же мнение сложилось и у Джона Лаймонда Харта, который сменил Хейни на посту сеульского резидента в сентябре 1952 года. После ряда неприглядных эпизодов с европейскими дезинформаторами, имевших место в первые четыре года его работы в ЦРУ, в частности проблем с албанскими агентами, Харт неплохо представлял себе все трудности и решил *«более придирчиво взглянуть на удивительные успехи и достижения, заявленные моими предшественниками»*.

В подчинении у Хейни было свыше двухсот офицеров ЦРУ в Сеуле, ни один из которых не говорил по-корейски. Резидентура полагалась на завербованных корейских агентов, которые следили за партизанскими и разведывательными операциями ЦРУ на севере страны. После трех месяцев напряженной рутинной работы Харт выяснил, что почти каждый доставшийся ему корейский агент либо фабриковал свои донесения сам, либо втайне работал под неусыпным оком коммунистов. Каждое донесение, которое резидентура отправляла в штаб ЦРУ с фронта на протяжении последних восемнадцати месяцев, представляло собой запланированную дезинформацию.

«Одно из донесений до сих пор живет в моей памяти, – вспоминал Харт. – В нем содержалось краткое перечисление всех китайских и северокорейских частей вдоль линии фронта, с указанием состава и числового обозначения каждой части».

Американские военачальники провозгласили это «одним из выдающихся разведывательных донесений». Харт же вскоре выяснил, что это полностью сфабрикованная дезинформация.

Он далее обнаружил, что все ведущие корейские агенты, которых завербовал Хейни, – не некоторые из них, а абсолютно все! – оказались «мошенниками, которые в течение определенного времени жили припеваючи на щедрые платежи ЦРУ, вкладываемые в «активы» на территории Северной Кореи. Почти каждое донесение, которое мы получили от этих воображаемых агентов, в итоге исходило от противника».

Лишь через много лет в ЦРУ пришли к выводу, что Харт оказался прав: почти все секретные сведения, которые агентство собрало во время корейской войны, были сфабрикованы северокорейскими и китайскими службами безопасности. Дезинформация шла прямым путем в Пентагон и Белый дом. Противник знал о военизированных операциях ЦРУ в Корее заранее, еще до того, как их начали проводить.

Харт сообщил штабу, что резидентура должна прекратить свою деятельность, пока не будут очищены все регистрационные журналы и списки и не устранены все недочеты и ошибки. Лучше вообще не иметь никакой разведывательной службы, нежели пытаться руководить такой, в которую фактически просочился враг.

Но вместо этого Беделл Смит направил в Сеул своего представителя, чтобы сообщить Харту, что *«ЦРУ, будучи новой организацией, репутация которой еще не настолько прочна, как того хотелось бы, попросту не может признаться другим правительственным ведомствам, – и, прежде всего, соперничающим с ней военным разведывательным службам – в своей неспособности собрать разведывательную информацию в Северной Корее»*. Этим посланником был заместитель директора по разведке Лофтус Бекер. В ноябре 1952 года Беделл Смит направил его в инспекционную поездку по азиатским резидентурам ЦРУ. По возвращении Бекер подал прошение об отставке. Согласно его заключению, ситуация была просто безнадежна: возможности сбора разведывательной информации на Дальнем Востоке «почти ничтожны». Перед отставкой он встретился с Фрэнком Виснером. *«Разоблаченные операции указывают на явный провал, а не на успехи, – сказал он ему, – и в последнее время таких накопилось очень много»*.

Донесения Харта и мошенничество Хейни не получили дальнейшей огласки. ЦРУ представило это как стратегический маневр. Согласно заявлению Даллеса членам конгресса, «ЦРУ

контролировало значительные элементы сопротивления в Северной Корее», сообщил полковник ВВС Джеймс Г. Келлис, который работал директором военизированных операций у Виснера. В то время Даллес был предупрежден, что «партизаны ЦРУ в Северной Корее находятся под контролем противника»; на самом деле «у ЦРУ не было таких ресурсов» и «ЦРУ вводили в заблуждение», – написал Келлис в разоблачительном письме, которое направил в Белый дом после того, как война была закончена.

Вообще, способность вывернуть все наизнанку и выставить неудачу как успех становилась в ЦРУ традицией. Нежелание Управления учиться на собственных просчетах стало его неотъемлемой частью. Тайные агенты ЦРУ никогда не проводили «работу над ошибками».

«Всем известно, что наши операции на Дальнем Востоке далеки от тех, какими мы хотели бы их представлять, – признал Виснер на штабном совещании. – У нас просто не было времени, чтобы набрать нужное количество и должным образом подготовить людей, которых мы должны были иметь в распоряжении, если собираемся успешно преодолеть те трудности, которые выпали на нашу долю».

Неспособность толком просочиться в Северную Корею остается одним из самых громких провалов разведки в истории ЦРУ.

«Кое-кем придется пожертвовать»

ЦРУ открыло второй фронт в корейской войне в 1951 году. *Сотрудники китайской оперативной базы, крайне возбужденные вступлением Мао в войну, внушили себе, что целый миллион гоминьдановских партизан в красном Китае ждет помощи ЦРУ.*

Были ли эти донесения отпечатаны в типографиях Гонконга, подброшены политическими провокаторами на Тайване или возникли в больном воображении у вашингтонских деятелей, принимающих желаемое за действительное? Разумно ли было для ЦРУ воевать против Мао? На тщательный анализ, как всегда, времени не было. «В правительстве нет утвержденной стратегии для такого рода войны, – заявил Беделл Смит, обращаясь к Даллесу и Виснеру. – У нас даже нет стратегии в отношении Чан Кайши».

Даллес и Виснер разработали свою собственную. Сначала они попытались завербовать американцев, готовых к заброске воздушным путем в коммунистический Китай. Один потенциальный новичок, Пол Крейсберг, одно время сам стремился попасть в ЦРУ, пока «они не проверили меня на лояльность, спросив, не хочется ли мне спуститься с парашютом в Сычуане. Они объяснили, что моя цель – сформировать группу антикоммунистов-гоминьдановцев и участвовать вместе с ними в ряде диверсионных операций, а затем, в случае необходимости, организовать собственную эксфильтрацию через Бирму. Они посмотрели на меня и говорят: «Так вы хотите или нет?» Крейсберг подумал и... поступил на службу в Государственный департамент. Испытывая недостаток в американских добровольцах, ЦРУ переправило сотни завербованных китайских агентов. Зачастую их забрасывали на вражескую территорию вслепую и приказывали пробраться в какую-нибудь ближайшую деревню. Когда они в итоге пропадали без вести, их гибель списывалась на издержки тайной войны.

В ЦРУ также считали, что можно подорвать диктатуру Мао с помощью исповедующих ислам кланов народности хуэй, проживающих на северо-западе Китая, которым командовал Ма Пуфанг, племенной лидер, имевший политические связи с китайскими националистами. ЦРУ сбросило тонны оружия, боеприпасов и радиостанций, а также множество китайских агентов в Западный Китай, затем попыталось отыскать американцев, которые бы на месте координировали их действия. Среди тех, кого они пытались завербовать, был Майкл Д. Коу, впоследствии один из величайших археологов XX столетия, – человек, отыскавший ключ к расшифровке иероглифов майя. Осенью 1950 года Коу, на тот момент двадцатидвухлетнего аспиранта Гарварда, один из профессоров пригласил пообедать и задал вопрос, который в

последующее десятилетие услышат еще тысячи выпускников Лиги плюща: «Не хотелось бы вам поработать на наше правительство в весьма интересном качестве?» Он отправился в Вашингтон и получил псевдоним, выбранный наугад из Лондонского телефонного справочника. Ему сказали, что он станет руководителем одной из двух тайных операций. Его либо забросят воздушным путем в один из отдаленных районов Западного Китая, чтобы поддержать мусульманских бойцов, либо отправят на один из островов неподалеку от китайского побережья, чтобы управлять диверсионными рейдами.

«*К счастью для меня, –* сказал Коу, *– я сделал свой выбор*». Он поступил на службу в «Вестерн энтерпрайз», авангард ЦРУ на Тайване, созданный с целью ниспровержения коммунистического режима Мао Цзэдуна. Он провел восемь месяцев на крошечном острове под названием Белый Пес. Единственная мало-мальски значимая разведывательная операция на острове привела к шокирующему открытию: начальник штаба Националистической армии оказался коммунистическим шпионом! Еще в Тайбэе, в заключительные месяцы корейской войны, Коу понял, что «Вестерн энтерпрайз» – предприятие не более секретное, чем китайские публичные дома, в которые частенько наведывались его коллеги. «Они построили целый закрытый поселок с собственной телефонной станцией и офицерским клубом, – вспоминал он, – но атмосфера, которая царила здесь прежде, изменилась». Коу заключил: «Националисты продали заведомо некачественный товар, сообщив, что в Китае действуют мощные силы сопротивления. Мы шли по ложному следу. И вся операция стала не более чем пустой тратой времени».

Подстраховавшись с националистами, ЦРУ решило, что в Китае должна существовать некая Третья сила. С апреля 1951 до конца 1952 года Управление потратило около 100 миллионов долларов, закупив достаточное количество оружия и боеприпасов для 200 тысяч партизан, но так и не отыскав неуловимую Третью силу. Приблизительно половина денег и оружия перешла к группе китайских беженцев на Окинаве, которые убедили ЦРУ в том, что на материке их поддерживают огромные силы антикоммунистов. Это был чистой воды обман. Рэй Пирс, ветеран УСС, который руководил «Вестерн энтерпрайз», сказал, что если бы он когда-либо отыскал настоящего бойца Третьей силы, то собственноручно прикончил бы его и отправил в Смитсоновский институт.

В поисках неуловимых сил сопротивления ЦРУ в июле 1952 года забросило в Маньчжурию китайскую партизанскую группу из четырех человек. Четыре месяца спустя группа вышла на связь и запросила помощи. Оказалось, что это ловушка: они были давно схвачены и перевербованы китайскими коммунистами. ЦРУ санкционировало спасательную миссию. Послали двух молодых офицеров ЦРУ; это была их первая операция. *Дика Фекто* и *Джека Дауни* сделали мишенями в отнюдь не игрушечном тире. Их самолет был сбит в результате шквального огня китайских зениток. Пилоты погибли. Фекто провел девятнадцать лет в китайской тюрьме, а Дауни, недавний выпускник Йельского университета, – больше двадцати. Позднее Пекин передал «итоговый протокол» по Маньчжурии: ЦРУ забросило сюда 212 иностранных агентов, из которых 101 был убит, а 111 попали в плен.

Заключительным театром военных действий для ЦРУ в корейской войне стала Бирма. В начале 1951 года, когда китайские коммунисты преследовали отступающие на юг войска генерала Макартура, в Пентагоне решили, что несколько облегчить положение американцев могли бы, за счет открытия второго фронта, китайские националисты. Около 1500 сторонников Ли Ми, генерала Националистической армии, скопилось на севере Бирмы, около китайской границы. Ли Ми обратился с просьбой обеспечить его американским оружием и золотом. ЦРУ приступило к переправке китайских националистов в Таиланд, их обучению, оснащению и заброске – вместе с тоннами оружия и боеприпасов – в Северную Бирму. Десмонд Фицджеральд, недавно поступивший на службу в ЦРУ с блестящими характеристиками, сражался в

Бирме во время Второй мировой войны. Он принял на себя руководство *операцией с националистами Ли Ми*. Правда, очень скоро эта операция обернулась фарсом, а затем – трагедией.

Когда солдаты Ли Ми проникли в Китай, войска Мао встретили их шквальным огнем. Разведчики ЦРУ обнаружили, что радист Ли Ми в Бангкоке оказался агентом китайских коммунистов. Но люди Виснера не унимались. Солдатам Ли Ми было велено отступить и перегруппироваться. Когда Фицджеральд переправил в Бирму новые партии оружия и боеприпасов, солдаты Ли Ми отказались сражаться. Они обосновались в горном массиве, известном под названием Золотой Треугольник, занялись сбором опийного мака; многие женились на местных женщинах... А двадцать лет спустя ЦРУ предстояло начать еще одну маленькую войну в Бирме, чтобы уничтожить лаборатории по производству героина, которые стали основой глобальной наркотической империи Ли Ми.

«Нет никакого смысла ни в оплакивании упущенных возможностей... ни в попытке оправдать предыдущие провалы, – написал Беделл Смит в письме генералу Мэтью Б. Риджуэю, преемнику Макаргура на посту руководителя Дальневосточного командования. – *Весьма мучительный опыт говорит о том, что тайные операции – это работа для профессионала, а не для любителя*».

Постскриптум к корейским неудачам ЦРУ состоялся вскоре после перемирия в июле 1953 года. Президента Южной Кореи Ли Сын Мана ЦРУ считало безнадежным и в течение многих лет искало способ заменить его. Его даже едва не убили по ошибке.

Ясным днем в конце лета небольшая яхта медленно прошла вдоль берега Йондо, островного лагеря, где ЦРУ обучало своих корейских командос. На борту находился президент Ли с друзьями. Офицеры и охранники, отвечающие за учебный участок, не были информированы о том, что мимо будет проезжать сам президент. Они открыли огонь. По счастливой случайности никто не пострадал, однако президент пришел в ярость. Он позвонил американскому послу и заявил, что у военизированной группы ЦРУ есть семьдесят два часа, чтобы убраться из страны. Вскоре после этого незадачливый резидент Джон Харт должен был начинать все сначала: вербовать, обучать и забрасывать агентов в Северную Корею с 1953 до 1955 года. Насколько ему потом стало известно, все они были схвачены и казнены.

В Корею ЦРУ потерпело фиаско на всех фронтах. Оно не смогло вовремя предупредить, обеспечить надлежащий анализ обстановки и избежать безрассудной выработки завербованных агентов. Это стоило жизни тысячам американцев и их азиатским союзникам.

Целое поколение спустя американские военные ветераны назвали корейскую войну «забытой». Это была преднамеренная амнезия. Затраты в размере 152 миллионов долларов на вооружение для фиктивных партизан были «подкорректированы» в соответствующих балансах. Тот факт, что огромная часть разведывательной информации оказалась ложной или сфабрикованной, держался в секрете. Вопросы о потерях никогда не задавались напрямую и, следовательно, остались без ответа.

Но заместитель госсекретаря по Дальнему Востоку Дин Раск почувствовал неладное. Он обратился за расследованием к Джону Мелби, квалифицированному сотруднику китайского отделения Государственного департамента. Мелби работал бок о бок с первыми американскими шпионами в Азии с середины 1940-х и хорошо знал основных действующих лиц. «*Наша разведка настолько плоха, что граничит с должностным преступлением*», – сообщил он Раску в секретном донесении, которое каким-то образом очутилось на столе директора Центральной разведки. Мелби был вызван в штаб-квартиру ЦРУ для классической проработки Беделлом Смитом в молчаливом присутствии его заместителя Аллена Даллеса.

Для Даллеса Азия всегда являлась своего рода интермедией. Он полагал, что реальное сражение для западной цивилизации начнется в Европе. Эта борьба требовала наличия «людей, которые согласны смело взглянуть обстоятельствам в лицо и взять на себя ответственность за последствия», – заявил он самым близким из своих друзей и коллег на секрет-

ной конференции, проведенной в отеле «Принстон-Инн» в мае 1952 года. «В конце концов, наши потери в Корее составили порядка сто тысяч, – сказал он, согласно расшифровке стенограммы, рассекреченной в 2003 году. – Если бы у нас было желание принять эти жертвы, я бы не волновался по поводу того, есть ли потери или мученики по ту сторону железного занавеса... Не думаю, что вы сможете ждать, пока в вашем распоряжении окажутся все войска, и уверен, что вы намерены победить. Вам нужно начать и двигаться вперед.

У вас должно быть некоторое количество мучеников, – сказал Даллес. – Поэтому кое-кем придется пожертвовать».

Глава 7 «Во власти иллюзий»

Аллен Даллес спросил у коллег, собравшихся на совещание в отеле «Принстон-Инн», как лучше всего помешать Сталину управлять своими государствами-союзниками. Он искренне полагал, что с коммунизмом можно рано или поздно покончить с помощью секретных операций. ЦРУ не терпелось поскорее отбросить Россию к ее прежним границам.

«Если мы собираемся перейти в наступление, то Восточная Европа представляет собой в этом смысле идеальное место, – сказал он. – Кровавые сражения мне не нужны, – тут же поправил себя Даллес, – но хотелось бы убедиться, что мы начали действовать».

Слово взял Чип Болен, которому вскоре предстояло назначение в Москву в качестве американского посла. Начало программы политической войны ЦРУ было положено еще во время воскресных ужинов, которые он посещал пять лет назад. «Разве мы ведем политическую войну? – задал он Даллесу риторический вопрос, на который сам же и ответил: – Да, мы ведем ее с 1946 года. За это время произошло немало событий. Оказалась ли война эффективной – другой вопрос. Но когда вы спрашиваете, перейдем ли мы в наступление, то я усматриваю в этом глубокое заблуждение», – заявил Болен.

В то время как в Корее все еще бушевала война, Объединенный комитет начальников штабов рекомендовал Фрэнку Виснеру и ЦРУ провести *«крупную секретную операцию против Советского Союза, нацеленную в самое сердце коммунистической системы управления»*. Виснер решил попробовать. План Маршалла преобразовали в пакты, согласно которым союзники США снабжались оружием, а Виснер увидел в этом шанс вооружить тайные резервные силы, чтобы сражаться с Советами в случае войны. Он готовил надежную «почву» на всей территории Европы. В горах и лесах Скандинавии, Франции, Германии, Италии и Греции его люди опускали золотые слитки в озера и прятали тайники с оружием для грядущих сражений. В болотах и предгорьях Украины и Балтии его пилоты доставляли агентов к зонам выброски и... гибели.

В Германии более тысячи его офицеров подбрасывали листовки в Восточный Берлин, подделывали почтовые печати, на которых был изображен портрет восточногерманского лидера Вальтера Ульбрихта с петлей, затянутой вокруг его шеи, и замышляли военизированные миссии в Польше. Но ничто из перечисленного не помогло осознать характер советской угрозы. Мелкие подрывные операции против Советской империи по-прежнему превалировали над полноценной шпионской деятельностью.

«Вы принадлежите ему душой и телом»

Весьма осторожный Уолтер Беделл Смит направил в Германию генерала Луциана К. Траскотта, человека с безупречными связями и выдающимся послужным списком, с поручением возглавить местное отделение ЦРУ и заодно выяснить, чем там занимаются люди Виснера. Генерал Траскотт получил приказ притормозить любой план, который посчитает для себя сомнительным. По прибытии он выбрал себе в помощники Тома Полгара.

Вместе они обнаружили несколько «бомб замедленного действия». Среди них было одно весьма темное дело, описанное в документах ЦРУ того времени как программа «заграничных допросов».

Оказывается, ЦРУ в свое время создало тайные тюрьмы, чтобы выколачивать признания у двойных агентов. Одна такая тюрьма была в Германии, другая – в Японии. Третья, и самая крупная, – в зоне Панамского канала. *«Как в Гуантанамо, – заметил Полгар в 2005 году. – То есть такая, где позволено все».*

Упомянутая зона представляла свой собственный, уединенный мир – область, захваченную Соединенными Штатами на рубеже веков и расчищенную бульдозерами от джунглей, окружающих Панамский канал. На местной военно-морской базе ЦРУ переоборудовало комплекс тюремных камер из шлакобетона, где обычно содержались пьяные и недисциплинированные матросы. В этих камерах агентство во время жестких допросов проводило секретные эксперименты, применяя пытки и препараты управления сознанием, а также промывание мозгов.

Этот проект датируется еще 1948 годом, когда Ричард Хелмс и его сотрудники в Германии поняли, что их планомерно вводят в заблуждение двойные агенты. Первые попытки таких допросов были предприняты в рамках чрезвычайных мер в 1950 году, когда началась корейская война и в ЦРУ осознали, что ситуация близка к критической. В конце лета того же года, когда обстановка в Панаме тоже накалилась, двум российским эмигрантам, которых доставили в зону Панамского канала из Германии, были введены наркотики, после чего они были подвергнуты жестким допросам. Наряду с четырьмя подозреваемыми северокорейскими двойными агентами, которых подвергли такому же обращению на военной базе, реквизированной ЦРУ в Японии, они оказались в числе первых «подопытных кроликов» в программе под кодовым названием «Проект «Артишок»». Эта программа стала небольшой, но существенной частью проводимых ЦРУ исследований, направленных на поиск эффективных способов управления человеческим разумом.

Многие из русских и восточных немцев, которых агентство завербовало в качестве агентов и информаторов в Германии, оказались людьми ненадежными. Сообщив те крайне незначительные сведения, которыми владели, они прибегли к обману и шантажу, чтобы хоть как-то посодействовать собственным карьерам. Многие подозревались в тайной работе на Советы. Проблема обрела статус чрезвычайной, когда в ЦРУ сообразили, что коммунистическая разведка и службы безопасности намного крупнее, чем о них думали раньше, и владеют гораздо большей информацией, чем их американские оппоненты.

По словам Ричарда Хелмса, американских разведчиков учили тому, что они могут рассчитывать на иностранного агента только в том случае, «если он принадлежит вам душой и телом». Потребность в способе обладания душой человека привела к поиску наркотических препаратов, управляющих сознанием, и секретных тюрем для их тестирования. Все эти вещи находились в персональном ведении Даллеса, Виснера и Хелмса.

15 мая 1952 года Даллес и Виснер получили донесение по «Проекту «Артишок», где были обстоятельно изложены проводимые в течение четырех лет исследования действия героина, амфетамина, сонных порошков и недавно открытого ЛСД, а также описаны другие «специальные методы, применяемые на допросах в ЦРУ». Часть проекта была направлена на разработку такой методики допроса, чтобы «человеку, оказавшемуся под ее воздействием, было трудно сообщить ложные сведения». Несколько месяцев спустя Даллес одобрил новую амбициозную программу под кодовым названием «Ультра». Под его покровительством семи военнопленным, содержащимся в федеральной исправительной колонии в Кентукки, в течение семидесяти семи дней подряд вводили высокие дозы ЛСД. Когда сотрудники ЦРУ ввели аналогичный препарат гражданскому служащему Фрэнку Олсону, тот в итоге выбросился из окна своей нью-йоркской гостиницы. Как и находящиеся под подозрением двойные агенты, направленные для допросов в секретную тюрьму в Панаме, такие люди представляли собой «расходный материал» в сражении с Советами.

Старшие офицеры ЦРУ, включая Хелмса, уничтожили почти все отчеты об этих программах из опасений, что они могут стать достоянием общественности. Оставшиеся свидетельства их существования отрывочны, но даже из них ясно, что применение секретных тюрем для насильственного допроса подозрительных агентов с использованием наркотических веществ продолжалось в течение 1950-х годов. Агенты секретной службы, сотрудники ЦРУ и

врачи до 1956 года собирались на ежемесячной дискуссии, чтобы обсудить, как продвигается «Проект «Артишок». «На таких совещаниях, помимо прочего, планировались и заграничные допросы», – говорится в архивах ЦРУ. *Использование «специальных» методов допроса продолжалось еще в течение нескольких лет.*

Стремление проникнуть через железный занавес вынуждало ЦРУ постепенно перенимать тактику противника.

«Хорошо продуманный план, за исключением...»

Среди операций ЦРУ, которые одну за другой зарубил генерал Траскотт, оказался *проект поддержки группы под названием «Молодые немцы»*. Многие из ее лидеров были из числа гитлерюгенда. Именные списки членов к 1952 году составили более 20 тысяч человек. Они с энтузиазмом приняли из рук ЦРУ оружие, радио, фото- и кинокамеры и деньги и создавали тайники по всей стране. Они также взялись за составление собственного обширного списка ведущих демократических западногерманских политических деятелей, которых, когда «пробьет час», предстояло уничтожить. «Молодые немцы» вели себя настолько открыто, что само их существование и их список «врагов нации» вылились в публичный скандал.

«Когда тайна перестала быть таковой, у нас возникло немало поводов для опасений», – сказал Джон Макмагон, будущий заместитель директора Центральной разведки, в то время молодой офицер ЦРУ в штабе Траскотта.

В тот же самый день, когда Даллес проводил совещание в отеле «Принстон-Инн», Генри Хекшер составлял заявление, адресованное штабу ЦРУ. За многие годы своей работы Хекшер, которому вскоре предстояло возглавить Берлинскую резидентуру, вырастил уникального агента в Восточной Германии, Хорста Эрдманна, управлявшего *внутригосударственной организацией под названием Комитет свободных юристов*. «Свободные юристы» представляли собой подпольную группу молодых адвокатов и ассистентов адвокатов, бросивших вызов коммунистическому режиму в Восточном Берлине. Они собирали досье на преступления, совершенные государством. В июле 1952 года в Западном Берлине должен был состояться Международный конгресс юристов, и «свободные юристы» могли сыграть на мировой арене важную политическую роль.

Виснер хотел взять под свой контроль «свободных юристов» и превратить их в вооруженное подполье. Хекшер выступил против. «Эти люди – прежде всего источник разведсведений, – утверждал он, – и если их перевести на военизированное положение, то они превратятся в пушечное мясо». Но с его доводами не стали считаться. Сотрудники Виснера в Берлине выбрали одного из офицеров генерала Рейнхарда Гелена, чтобы преобразовать группу в боевую силу, составленную из ячеек по три человека в каждой. Но при этом оказалось, что каждый член созданной ячейки знает любого члена другой ячейки. Это был классический просчет. После того как накануне международной конференции советские солдаты похитили и подвергли пыткам одного из их лидеров, были арестованы все до единого участники Комитета свободных юристов.

К концу 1952 года, в последние месяцы пребывания Беделла Смита на посту директора Центральной разведки, потерпели крах и другие торопливо состряпанные операции Виснера. Эти негативные последствия произвели неизгладимое впечатление на недавно призванного офицера ЦРУ Теда Шекли, ранее занимавшегося инструктажем и обучением военной полиции в Западной Вирджинии. Его первое задание заключалось в том, чтобы ознакомиться с крупной операцией Виснера по поддержке польской освободительной армии – движения «Свобода и независимость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.